

ВОЛОЧАЙ Е. В.
Директор по развитию SeLeV Consulting Group,
независимый эксперт по вопросам компенсации вреда
жертвам нарушений прав человека,
эксперт OSJI по вопросам компенсации морального вреда
жертвам пыток в Центральной Азии

Вопросы компенсаций в справедливом судебном процессе¹

Вопрос компенсации жертвам нарушений прав человека и компенсации вреда отдельным категориям жертв правонарушений является актуальным для многих стран, особенно для стран молодых демократий, ставших на путь формирования правовых государств. Также вопросам компенсаций жертвам правонарушений уделяется постоянное внимание в деятельности международных организаций.

Вопросы компенсации актуальны для жертв нарушений всех прав и свобод, однако для жертв пыток и жестокого обращения, жертв торговли людьми², жертв незаконных арестов, судебных ошибок он имеет особое значение. Ликвидация пыток и жестокого обращения является одним из наиболее далеко идущих идеалов, которые стремится достичь ОБСЕ. Международные организации, которые целью своей деятельности определили предотвращение пыток, включают структуры и подразделения ООН, занимающиеся правами человека, куда входит, в частности, Специальный докладчик по вопросам пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих человеческое достоинство обращений или наказаний, Комитет против пыток³, созданный в рамках Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания⁴. Европейский Комитет по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания⁵.

В частности, положениями статьи 14 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания предусмотрено право жертвы пыток на справедливую и адекватную компенсацию, а именно:

- Каждое Государство-участник обеспечивает в своей правовой системе, чтобы жертва пыток получала возмещение и имела подкрепляемое правовой санкцией

¹ Экспертное заключение подготовлено Центром исследования правовой политики при технической поддержке посольства Нидерландов в Казахстане. Мнения и взгляды, содержащиеся в заключении не отражают официальную точку зрения Посольства Нидерландов в Казахстане. В обзоре использован опыт одного из авторов (Волочай Е.В.) в проекте по поддержке жертв пыток OSJI. Также использован опыт участия в рабочей группе по разработке предложений к новому УПК Украины UBA (Ассоциации Юристов Украины), а также в Европейской программе по компенсации вреда жертвам торговли людьми «Компенсация в действии» (COMP.ACT), которая проходит под эгидой таких организаций как Anti-slavery и La Strada International и в которой один из авторов настоящего обзора (Волочай С.П.) принимает участие как международный эксперт.

² Семинар по человеческому измерению, который состоялся 14-16 мая 2012 года в Варшаве, был посвящен теме «Правовая основа для борьбы с торговлей людьми», а вопросу компенсации было посвящено заседание рабочей группы III «Жертва в рамках уголовного судопроизводства»

³ URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/cat/>

⁴ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml

⁵ URL: <http://www.cpt.coe.int/russian.htm>

право на справедливую и адекватную компенсацию, включая средства для возможно более полной реабилитации. В случае смерти жертвы в результате пытки право на компенсацию предоставляется его иждивенцам. 2. Ничто в настоящей статье не затрагивает любого права жертвы или других лиц на компенсацию, которое может существовать согласно национальному законодательству.

Право на компенсацию от государства за нарушение прав человека закреплено также в части 6 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП)⁶, которая гласит:

- Если какое-либо лицо окончательным решением было осуждено за уголовное преступление и если вынесенный ему приговор был впоследствии отменен или ему было даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, то это лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону, если не будет доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в свое время обнаружено исключительно или отчасти по его вине.

Однако необходимо отметить, что данное право – право на компенсацию – отражено не в отдельной и самостоятельной статье, а является одной из частей статьи 14, гарантирующей право на справедливый судебный процесс. Поэтому представляется целесообразным при описании содержания права на компенсацию обратиться к тем гарантиям справедливого судебного процесса, вследствие нарушения которых и возникает указанное право на компенсацию, и которые составляют основной массив статьи 14 МПГПП.

В этой связи уместно отметить, что положение статьи 14 МПГПП о праве на компенсацию было одним из самых спорных при разработке проекта данной статьи. Так, правительство Филиппин еще в 1949 году внесло предложение о внесении в проект статьи 14 МПГПП права на компенсацию в случае судебной ошибки. Однако это предложение подверглось активным возражениям и оказалось наиболее спорным относительно целесообразности как его включения в проект статьи 14 МПГПП. После включения указанного положения в проект статьи 14 МПГПП продолжались дискуссии о целесообразности сохранения этой нормы в проекте данной статьи. Наибольшую активность по исключению положения о компенсации из проекта статьи 14 МПГПП проявляли представители Аргентины, Соединенного Королевства, Нидерландов. Их позиции были поддержаны многими другими странами, но в конечном итоге норма о компенсациях все-таки устояла, хотя и с небольшим перевесом голосов: 25 – за, 19 – против, 29 – воздержались. Примечательно, что в группу «За» и «Против» попали страны с различными правовыми системами и уровнем соблюдения прав человека и основных свобод. Так, представители Норвегии, Бельгии, Франции, США, Греции настаивали на включении нормы о компенсации. Представители Великобритании, Турции, Испании, Нидерландов, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Ирландии возражали против этой нормы и требовали ее исключения из проекта статьи 14 МПГПП. Не определились со своей позиции в данном противостоянии представители таких стран как Дания, Швеция, Финляндия, Португалия, Австрия, Италия, а также все страны бывшего социалистического лагеря⁷.

Исходя из опыта правоприменения данной нормы о компенсации в судах стран СНГ, можно предположить, что правительства стран-участниц не спешили брать на себя международные обязательства в части компенсаций за допускаемые нарушения прав человека и основных свобод, предпочитая в этом вопросе оставить приоритетными нормы национального права и практику его применения. На эту мысль наводит то обстоятельство, что все попытки дополнения статьи 14 МПГПП о праве на компенсацию положением о том, что в случае исполнения смертного приговора, который впоследствии был признан

⁶ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

⁷ Nowak M.U.N. Covenant on Civil and Political Rights. CCPR Commentary. 2-nd, rev ed. Kehl; Strasbourg; Arlington, 2005, page 352.

незаконным, право требования компенсации переходило к родственникам жертвы правонарушения, не получило поддержки у большинства представителей стран-участниц⁸.

Справедливости ради следует отметить, что в первоначальной редакции право на компенсацию родственникам жертвы не было включено в аналогичную по содержанию статью 6 Европейской Конвенции по правам человека. Также данное право не было отражено и в статье 8 Американской Конвенции по правам человека, принятой в 1969 году. Лишь только в 1984 году, после принятия Дополнительного протокола № 7 к Европейской Конвенции по правам человека, право на компенсацию было закреплено в статье 3 «Компенсация в случае судебной ошибки» указанного протокола, а именно:

- Если какое-либо лицо на основании окончательного решения было осуждено за совершение уголовного преступления и если впоследствии вынесенный ему приговор был пересмотрен, или оно было помиловано на том основании, что какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство убедительно доказывает, что имела место судебная ошибка, то лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону или практике соответствующего государства, если только не будет доказано, что ранее неизвестное обстоятельство не было своевременно обнаружено полностью или частично по его вине.

Примечательно, что вышеуказанная формулировка, примененная в статье 3 Дополнительного протокола № 7, практически дословно воспроизводит формулировку, содержащуюся в п. 6 статьи 14 МПГПП.

Следует также отметить, что содержание статьи 14 МПГПП вообще и пункта 6, в частности, является постоянным объектом внимания юристов, правозащитников, в том числе дважды становилось предметом обсуждения на уровне Комитета по правам человека ООН⁹, результаты которых были отражены в замечаниях общего порядка № 13, принятых на 21-й сессии в 1984 году¹⁰, и в замечаниях общего порядка № 32 (CCPR/C/GC/32), принятых на 90-й сессии 23 августа 2007 года¹¹.

Так, в указанных замечаниях общего порядка № 32 вопросу компенсации в случае судебной ошибки посвящен раздел VIII «Компенсация в случаях судебной ошибки», в котором указано следующее:

- 52. В соответствии с пунктом 6 статьи 14 Пакта выплачивается, согласно закону, компенсация лицам, которые были окончательным решением осуждены за уголовное преступление и понесли наказание как следствие такого осуждения, если вынесенный приговор был впоследствии отменен или им было даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки. Необходимо, чтобы государства-участники принимали закон, обеспечивающий, чтобы требуемая на основании этого положения компенсация действительно могла быть выплачена и чтобы такая выплата была произведена в разумные сроки. 53. Данная гарантия не применяется в тех случаях, если доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в свое время обнаружено исключительно или отчасти по вине подсудимого; в этих случаях обязанность доказывания ложится на государство. Кроме того, компенсация не положена, если осуждение снято по результатам обжалования, т.е. до того, как судебное решение становится окончательным, или вследствие помилования, гуманитарного или дискреционного по своему характеру, или мотивированного соображениями справедливости, не подразумевающего, что имело место судебная ошибка.

⁸ Nowak M.U.N. Covenant on Civil and Political Rights. CCPR Commentary. 2-nd, rev ed. Kehl; Strasbourg; Arlington, 2005, page 353.

⁹ URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/icm-mc/docs/8th/HRI.GEN.1.Rev9Volumell_ru.pdf

¹⁰ URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/gencomm/Rhrcom13.html>

¹¹ URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/gencomm/Rhrcom32.html>

Практическое наполнение права на компенсацию в случае судебной ошибки, закрепленное в статье 14 МПГПП, и практику его правоприменения можно более детально понять по решениям Комитета по правам человека в соответствии с факультативным протоколом¹². Поэтому для целей настоящего обзора предметом нашего анализа будет соблюдение гарантий справедливого судебного процесса в аспекте права на компенсацию в случае возникновения судебной ошибки в практике Комитета по правам человека ООН. При этом будет использоваться наш собственный опыт судебно-экспертной деятельности по обоснованию и оценке морального (неимущественного) вреда для судов Украины, Российской Федерации, Молдовы, стран Центральной Азии.

Исходя из формулировки части 6 статьи 14 МПГПП, можно выделить следующие правовые предпосылки возникновения права на компенсацию вреда, причиненного жертве незаконного осуждения в результате судебной ошибки:

1. Осуждение за уголовное правонарушение окончательным решением суда.
 2. Отмена вынесенного приговора или помилование осужденного на основе: а) наличия доказанной судебной ошибки; б) отсутствия вины осужденного в судебной ошибке.
 3. Компенсация может быть выплачена только: а) тому лицу, которое понесло наказание; и б) только в том случае, когда осужденное лицо реально понесло наказание.
 4. Право на компенсацию должно быть установлено национальным законом государства-участника.
- Рассмотрим, как применяются выделенные условия на практике.

1. Осуждение за уголовное правонарушение окончательным решением суда

Одним из условий возникновения права на компенсацию в случае судебной ошибки является то, что решение суда должно быть окончательным. Понятие «**окончательное решение**» суда означает такое решение, которое уже никоим образом не может быть обжаловано и, соответственно, является окончательным решением по делу в исполнении завершающей, самой последней из всех возможных в процессуальной цепочке, судебной инстанцией.

Из этого следует, что если лицо было осуждено судом низшей инстанции, но впоследствии обвинительный приговор был отменен судом высшей инстанции с оправданием осужденного лица, то в этом случае не возникает факта судебной ошибки, и у осужденного, а потом оправданного лица, соответственно, не возникает права на компенсацию. Такой случай имел место в деле «Терри Ирвинг против Австралии» (Сообщение № 880/1999)¹³, когда заявитель был осужден окружным судом, приговор которого был подтвержден апелляционным судом, и заявитель даже отбыл достаточно большую часть наказания, но впоследствии был оправдан Высоким судом Австралии в качестве кассационной инстанции. Обстоятельства дела следующие.

«2.1. Присяжные заседатели окружного суда Кернса 8 декабря 1993 года признали автора виновным в вооруженном ограблении отделения банка ANZ в Кернсе, совершенном 19 марта 1993 года. Он был приговорен к восьми годам лишения свободы. Автор обратился с просьбой об оказании ему юридической помощи в подаче апелляции на вынесенное решение, однако Управление по оказанию юридической помощи Квинсленда отклонило его просьбу. Во время слушания его дела в Апелляционном суде Квинсленда (*суд апелляционной инстанции – примечание автора*), который отклонил его апелляцию 20 апреля 1994 года, он не был представлен адвокатом.

¹² URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/SDecisionsVol6ru.pdf>

¹³ URL: <http://www.ohchr.org/Documents/Publications/SDecisionsVol7ru.pdf>, стр. 24.

2.2. Автор 3 мая 1994 года обратился с просьбой о предоставлении ему юридической помощи для получения особого разрешения на подачу апелляции в Высокий суд Австралии (*суд кассационной инстанции – примечание автора*). 28 мая 1994 года Управление по оказанию юридической помощи Квинсленда отклонило эту просьбу автора. В июле 1994 года автор еще раз обратился в Комитет по рассмотрению дел, связанных с оказанием юридической помощи, с просьбой пересмотреть это решение. В августе 1994 года окружной комитет в очередной раз отказал ему в предоставлении юридической помощи. Автор затем безуспешно подавал прошения в другие органы, включая Комиссию по уголовному правосудию Квинсленда, Общество права Квинсленда и управление омбудсмена Квинсленда.

2.3. Автор еще раз подал прошение в Комитет по рассмотрению дел, связанных с оказанием юридической помощи, с целью получения особого разрешения на апелляцию. В январе 1995 года Комитет предоставил юридическую помощь с целью передачи вопроса адвокату для получения консультации о перспективах подачи апелляции. В апреле 1995 года автору было отказано в дальнейшей юридической помощи. 17 июля 1995 года Служба оказания юридической помощи заключенным Квинсленда отказала автору в его просьбе об оказании такой помощи. 28 августа 1995 года Управление по оказанию юридической помощи АСТ отклонило ходатайство автора о предоставлении ему такой помощи.

2.4. В августе 1995 года автору был вручен документ, в котором он фигурировал в качестве ответчика в деле о компенсации, начатому тремя кассирами банка ANZ, обвинение в ограблении которого он не признает. 22 сентября 1995 года, участвуя в судебном разбирательстве по этому делу, автор заявил, что его несправедливо обвинили в совершении этого преступления. 24 ноября 1995 года ему было отказано в представлении дальнейших устанавливающих личность доказательств в этом судебном разбирательстве и было принято решение о компенсации.

2.5. Исчерпав все известные ему возможные способы представительства и юридической помощи, автор пришел к выводу, что у него нет иного выхода, кроме как представлять себя самого в Высоком суде Австралии, несмотря на предыдущую неудачную попытку выступить в качестве представляющего самого себя заявителя в Апелляционном суде Квинсленда. 2 мая 1996 года Высокий суд принял собранную находящимся под стражей автором документацию для получения особого разрешения на подачу апелляции. 8 декабря 1997 года, ровно четыре года спустя после вынесения автору первоначального обвинительного приговора, Высокий суд удовлетворил его ходатайство о получении особого разрешения на подачу апелляции, разрешил подать ее, отменил приговор и вынес решение о проведении нового судебного разбирательства. Во время слушания дела Суд учел признание обвинения, что во время первоначального судебного разбирательства в отношении автора была допущена несправедливость. Суд указал, что у него имеются «самые серьезные сомнения в отношении обстоятельств данного дела», что «создалась вызывающая очень серьезные опасения ситуация» и что «в течение всего времени обвиняемому было отказано в предоставлении юридической помощи для подачи апелляции». 11 декабря 1997 года автор был освобожден из тюрьмы под залог. 2 октября 1998 года главный общественный обвинитель Квинсленда заявил об отказе проведения нового судебного разбирательства и вынес решение о прекращении производства дела.

2.6. Автор 6 июля 1998 года обратился к Генеральному прокурору Квинсленда с просьбой о выплате ему компенсации *ex gratia* за судебную ошибку, послужившую причиной незаконного лишения его свободы в течение свыше четырех с половиной лет. Он обратился также с просьбой о создании независимой комиссии по расследованию обстоятельств его незаконного осуждения и лишения свободы. 10 августа 1998 года, 18 сентября 1998 года и 21 декабря 1998 года автор еще раз обращался к Генеральному прокурору Квинсленда.

2.7. Департамент юстиции Квинсленда 11 января 1999 года препроводил заявления о неправомερных действиях государственных служащих в этом деле в Комиссию по уголовному правосудию Квинсленда. 19 марта 1999 года автор подал иск в Верховный суд

Квинсленда на проводившего расследование следователя и власти штата Квинсленд, требуя возмещения убытков за злоумышленное судебное преследование и присуждение штрафной компенсации.

2.8. Автор 25 июля 1999 года снова попытался добиться компенсации у Генерального прокурора Квинсленда. В августе 1999 года Комиссия по уголовному правосудию ответила, что дело автора не дает оснований для оправданных подозрений в отношении неправомерных действий официальных должностных лиц. После этого автор опять попытался добиться компенсации у Генерального прокурора. В сентябре 1999 года старший советник Генерального прокурора по вопросам политики информировал автора, что, «учитывая мнение Комиссии по уголовному правосудию и Ваше решение начать судебный процесс, Генеральный прокурор более не будет рассматривать Ваше заявление о выплате компенсации *ex gratia*, а будет ожидать результатов этого судебного процесса». 15 августа 2000 года автор подал жалобу в Парламентский комитет по уголовному правосудию Квинсленда. К началу февраля 2002 года никакого ответа из Парламентского комитета на его жалобу получено не было. Вопрос, как сообщается, все еще находится на рассмотрении».

В своей жалобе заявитель утверждает, что является жертвой судебной ошибки и что он исчерпал все внутренние средства правовой защиты:

«3.1. Автор утверждает, что он исчерпал все возможные эффективные внутренние средства правовой защиты и что он безуспешно пытался, в соответствии с пунктом 2 b) статьи 5 Факультативного протокола, добиться у Генерального прокурора Квинсленда выплаты ему компенсации за незаконное лишение свободы.

3.2. Автор утверждает, что он выполнил все требования для получения компенсации в соответствии с условиями, предусмотренными в пункте 6 статьи 14. Во-первых, 8 декабря 1993 года он был осужден за уголовное преступление. Во-вторых, впоследствии 8 декабря 1997 года вынесенный ему приговор был отменен Высоким судом Австралии. В-третьих, решение Высокого суда было окончательным. В-четвертых, как утверждает автор, вынесенный ему приговор был отменен на основании того, что новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказало совершение судебной ошибки: в частности, он был лишен права на справедливое судебное разбирательство и у суда имелись самые серьезные сомнения в отношении обстоятельств данного дела. И наконец, как утверждает автор, не было доказано, что необнародованный неизвестный факт, о котором шла речь, в полной мере или частично имеет отношение к нему. Поскольку выполнены все необходимые условия для выплаты компенсации согласно пункту 6 статьи 14, власти Квинсленда обязаны выплатить ему компенсацию. Поскольку этого не сделано, нарушен пункт 6 статьи 14».

Такова были факты в изложении заявителя и логика автора заявления. Однако у правительства Австралии были возражения относительно того, что заявитель не исчерпал все эффективные способы защиты на национальном уровне, а именно: обе судебные процедуры, инициированные им, находятся на момент обращения в КПЧ ООН на рассмотрении, для чего действительно потребуется определенное время, но не чрезмерное, так что у автора нет оснований утверждать, что он реализовал все возможные способы эффективной судебной защиты:

«4.1. По вопросу о приемлемости сообщения государство-участник в своем представлении от октября 2000 года заявило следующее:

– автор не исчерпал все возможные и эффективные внутренние средства юридической защиты. На момент представления сообщения он предъявил два разных иска: один – в отношении проводившего расследование полицейского и властей Квинсленда за злоумышленное судебное преследование и выплаты штрафной компенсации и второй – требующий через Генерального прокурора Квинсленда выплаты компенсации за незаконное

лишение свободы. Согласно заявлению государства-участника, оба иска тщательно рассматриваются и таким образом считаются эффективными. Нет никаких особых обстоятельств, которые мешали бы автору использовать эти средства в полной мере. Государство-участник утверждает, что при тщательном рассмотрении окончательное решение по этим жалобам займет от года до полутора лет; оно отрицает, что суды Квинсленда безосновательно затягивают решение вопроса о получении автором компенсации;

– автор не смог доказать нарушение пункта 6 статьи 14, поскольку окончательное решение по его делу, то есть, решение Высокого суда Австралии, не являлось первоначально вынесенным ему приговором и не подтверждало его. Поскольку, в соответствии с пунктом 6 статьи 14 Пакта, окончательное решение должно подтвердить первоначально вынесенный приговор, а в данном случае Высокий суд его не поддержал, пункт 6 статьи 14 в данном случае неприменим, и эта жалоба должна быть признана неприемлемой *ratione materiae*.

4.2. Что касается вопросов существа утверждений автора, то государство-участник заявляет, что:

– пункт 6 статьи 14 Пакта не был нарушен, поскольку автор не был осужден на основании «окончательного решения» по смыслу данного положения. Государство-участник напоминает, что в отношении «окончательного решения» апелляция не может быть подана. В соответствии с механизмами австралийской системы пересмотра судебных решений в отношении вынесенного автору приговора апелляция могла быть подана в любой момент. В Австралии в целом и в Квинсленде в частности решение суда первой инстанции об осуждении какого-либо лица не является, по крайней мере первоначально, окончательным, поскольку осужденное лицо всегда имеет право на подачу апелляции. Как отмечает государство-участник, успешная подача автором апелляции в Высокий суд опровергает любое утверждение о том, что решение Верховного суда Квинсленда явилось окончательным».

В итоге решением Комитета было отказано заявителю в обоснованности жалобы на том основании, что его осуждение состоялось не на основании «окончательного» решения суда в смысле части 6 статьи 14 МПГПП:

«8.1. Прежде чем рассматривать какие-либо претензии, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет по правам человека на основании правила 87 своих правил процедуры должен решить, является ли оно приемлемым в соответствии с Факультативным протоколом к Пакту.

8.2. Изложенные в сообщении факты, которые не опровергались государством-участником, показывают, что г-н Ирвинг стал жертвой явной несправедливости. По-видимому, эти факты поднимают серьезный вопрос о соблюдении государством-участником пункта 3 d) статьи 14 Пакта, поскольку г-ну Ирвингу было неоднократно отказано в предоставлении юридической помощи в деле, в котором, даже по мнению Высокого суда Австралии, интересы справедливости требуют предоставления такой помощи. Поэтому г-н Ирвинг, очевидно, имеет право на компенсацию. Единственная высказанная автором сообщения претензия касается пункта 6 статьи 14 Пакта; поэтому Комитет должен решить вопрос о приемлемости данной претензии.

8.3. Комитет напоминает условия применения пункта 6 статьи 14: «Если какое-либо лицо окончательным решением было осуждено за уголовное преступление и если вынесенный ему приговор был впоследствии отменен или ему было даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывает наличие судебной ошибки, то это лицо, понесшее наказание в результате такого осуждения, получает компенсацию согласно закону, если не будет доказано, что указанное неизвестное обстоятельство не было в свое время обнаружено исключительно или отчасти по его вине».

8.4. Комитет замечает, что вынесенный автору обвинительный приговор в окружном суде Кернса 8 декабря 1993 года был подтвержден Апелляционным судом Квинсленда 20 апреля 1994 года. Г-н Ирвинг подал ходатайство о разрешении опротестовать это решение в Высоком суде Австралии. Ему было дано разрешение на апелляцию, и 8 декабря 1997 года Высокий суд Австралии аннулировал вынесенный ему приговор на основании того, что судебное разбирательство его дела не было справедливым. Поскольку в отношении решения Апелляционного суда Квинсленда была подана апелляция (хотя и с разрешения) на обычных основаниях, представляется, что до решения Высокого суда Австралии обвинительный приговор автору не может рассматриваться «окончательным решением» по смыслу пункта 6 статьи 14. Однако, даже если бы считалось, что решение Апелляционного суда Квинсленда рассматривалось «окончательным» для целей пункта 6 статьи 14, апелляция автора в Высокий суд Австралии была принята на том основании, что первоначальное судебное разбирательство являлось несправедливым, а не на основании того, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство неоспоримо доказывало наличие судебной ошибки. Учитывая эти обстоятельства, Комитет считает, что в данном деле пункт 6 статьи 14 не может быть применен и эта претензия в соответствии со статьей 3 Факультативного протокола является неприемлемой *ratione materiae*».

2. Отмена вынесенного приговора или помилование осужденного на основе: а) наличия доказанной судебной ошибки; б) отсутствия вины осужденного в судебной ошибке

При обсуждении проекта статьи 14 МПГПП государствами-участниками обсуждался аспект помилования и правовые последствия этого акта. Некоторые выражали мнение, что помилование может быть одним из оснований для компенсации. В свою очередь, противники этого обосновано возражали, что обычно помилование не отменяет приговор и не оправдывает осужденного, а лишь освобождает его (частично или полностью) от ответственности по не реабилитирующим основаниям, в частности, по соображениям гуманности. Поэтому в Пакте было сделано уточнение относительно условий возникновения права на компенсацию в случае помилования, необходимых для квалификации судебной ошибки. В этой связи можно привести дело «Мухонен против Финляндии» (Сообщение №89/1981)¹⁴.

В данном деле фабула такова: заявитель, будучи убежденным пацифистом, отказался от прохождения службы в армии и попросил об альтернативной службе. Однако, он не явился на заседание специальной комиссии, которая была полномочна вынести решение по его вопросу. В итоге комиссия, исходя только лишь из предоставленных заявителем документов не смогла убедиться в наличии у него оснований для освобождения от службы в армии. Соответственно, дело было передано в суд, который признал заявителя виновным в уклонении от воинской повинности и вынес обвинительный приговор. Уже отбывая наказание, заявитель инициировал рассмотрение своего дела в вышеупомянутой специальной комиссии, прибыл на ее заседание и непосредственно пояснил свою позицию по вопросу воинской службы. Эти аргументы были приняты и комиссия пришла к выводу о возможности освобождения заявителя от службы в армии в связи с его убеждениями. В результате заявитель был оправдан и освобожден из мест заключения. Впоследствии заявитель обратился с жалобой на судебную ошибку и потребовал компенсации.

Теперь обратимся к материалам сообщения, выбрав необходимые и опуская второстепенные для целей настоящего доклада.

«1. Автором сообщения (первоначальное представление от 28 марта 1981 г., последующие представления от 20 сентября 1981 г. и 25 января 1982 г.) является Пааво Мухонен, гражданин Финляндии, 17 февраля 1950 г. рождения, работающий библиотекарем в

¹⁴ URL: www.lawtrend.org/ru/data/611/

Финляндии. Он утверждает, что имеет идейные убеждения, согласно которым не может проходить воинскую службу, ссылаясь на этические убеждения, которые порицаются финскими властями. Автор сообщения утверждает, что стал жертвой нарушения права на свободу убеждений, которое предусматривается п. 1 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах. Существо дела будет описано ниже.

2. В августе 1976 г., во время военного призыва, г-н Мухонен подал в Комиссию по вопросам призыва на воинскую службу (далее – Комиссия) заявление об альтернативной гражданской службе вместо прохождения воинской службы на основании своих убеждений и существующего закона (О разоружении и альтернативной службе, 1969 г.). Решением от 18 октября 1977 г. Комиссия отклонила заявление г-на Мухонена на основании отсутствия серьезных моральных убеждений, которые базируются на этических основаниях и препятствующих прохождению воинской службы и обязала заявителя к прохождению воинской службы. Изначально рассмотрение заявления г-на Мухонена в Комиссии было совершено в письменной форме. **Г-н Мухонен не воспользовался возможностью предстать лично перед Комиссией по двум причинам** (*примечание – жирным шрифтом выделено автором*): во-первых, для него было невозможным приехать издалека ради слушаний и, во-вторых, Комиссия заверила его, что решение будет принято в его отсутствие. Поэтому г-н Мухонен решил, что его личное присутствие не является необходимым и не повлияет на решение данного вопроса. Неудовлетворенный принятым Комиссией решением (и имеющий все законные основания), заявитель подал апелляцию на решение Комиссии в Министерство юстиции. В своем решении от 21 ноября 1977 года Министерство юстиции заверило, что «в рассмотренном Комиссией по вопросам призыва на воинскую службу решении нет обстоятельств для пересмотра» и оно удовлетворяет принятое Комиссией решение. Также в своем решении Министерство юстиции сообщает, что согласно законодательству решение обжалованию не подлежит.

2.2. 13 февраля 1978 г. Пааво Мухонен повторно направил в Комиссию по вопросам призыва на воинскую службу заявление об отказе держать в руках оружие. Комиссия в своем решении от 1 сентября 1978 г. не приняла к рассмотрению заявление г-на Мухонена, сославшись на «ранее вынесенное решение Министерства юстиции». Г-н Мухонен снова подал прошение в Министерство юстиции с просьбой замены воинской службы альтернативной. В своем заключении от 3 ноября 1978 г. Министерство юстиции, принимая во внимание тот факт, что Комиссия не должна была оставить заявление г-на Мухонена без рассмотрения, решило не возвращать заявление в Комиссию для рассмотрения по существу (в силу того, что обстоятельства дела уже были разъяснены ранее), а рассмотреть его непосредственно. В результате было вынесено окончательное решение, согласно которому не было найдено оснований для пересмотра решения, которое Комиссия вынесла 18 октября 1977 г., равно как и для пересмотра решения от 21 ноября 1977 г. по апелляции в Министерство юстиции. И вновь, Министерством юстиции было определено, что решение обжалованию не подлежит.

2.3. Между тем, то есть, до рассмотрения ходатайства Комиссией и Министерством юстиции, был издан нормативный акт от 13 февраля 1978 г., согласно которому г-н Мухонен призывался на воинскую службу (15 февраля 1978 г.). Он заявляет, что в воинской части, куда он был отослан, отказался выполнять какие-либо воинские приказы. Ему было разрешено покинуть воинскую часть в тот же день. Уголовный суд возбудил судопроизводство против г-на Мухонена за невыполнение воинских приказов, и суд первой инстанции приговорил его к 11 месяцам тюремного заключения решением от 13 декабря 1978 г. Высший суд восточной Финляндии подтвердил данный приговор решением от 26 декабря 1979 г., вследствие чего г-н Мухонен начал отбывать наказание 4 июня 1980 г.

2.4. Осенью 1980 г. г-н Мухонен подал новое прошение на слушания в Комиссию, которая вынесла решение в пользу г-на Мухонена. В своем решении от 2 февраля 1981 г. Комиссия заключила следующее:

«Комиссия по вопросам призыва на воинскую службу, изучив все документы, касающиеся изначального отказа от ношения оружия, которое находится в ведении Министерства юстиции, предоставляя возможность г-ну Пааво Юхани Мухонену лично мотивировать свои убеждения перед Комиссией, рассматривая заявление Мухонена и проведя личную беседу, заявляет о возможности этических убеждений, которые нашли отражение в Законе «О разоружении и альтернативной службе» (132/69), что позволяет ему не выполнять военные и невоенные приказы в армии, и достигнув 30 лет, может не призываться на воинскую службу».

В соответствии с этим, обстоятельства данного дела не требуют принятия каких-либо дальнейших действий от Комиссии по вопросам призыва на воинскую службу.

5.5. К этому моменту (2 февраля 1981 г.) г-н Мухонен отбыл срок своего 11-месячного тюремного заключения с 4 июня 1980 г. Было установлено, что большое количество людей обращались к Президенту о помиловании по данному делу, и как следствие — данное дело было передано из Министерства юстиции Верховному суду Финляндии и, в результате г-н Мухонен был помилован 27 марта 1981 г. и выпущен на свободу на две недели раньше. Утверждается, что г-н Мухонен не получил какой-либо финансовой компенсации за действия, от которых он пострадал, несмотря на то, что г-н Мухонен предпринял все действия, необходимые для получения компенсации.

5.6. Как было отмечено ранее (в параграфе 1) г-н Мухонен утверждает, что те факты, которые были описаны, делают его жертвой нарушения Финляндией права, которое предусмотрено ч. 1 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах... Комитет считает, что, так как решениями Комиссии по вопросам призыва на воинскую службу и Министерства юстиции 1977 и 1978 г. г-ну Мухонену было отказано в замене воинской службы альтернативной на основании его этических убеждений, встал вопрос о соответствии п. 1 ст. 18 Международного пакта последующего решения Комиссии от 2 февраля 1981 г., которое дало ответ на этот вопрос и, следовательно, никаких дальнейших вопросов о нарушении Международного пакта не поднималось. Факт нарушения п. 1 ст. 18 Международного пакта, тем не менее, не был установлен, но был поднят вопрос о нарушении п. 6 ст. 14 Международного пакта, что и предстояло выяснить Комитету.

6.1. Когда принималось решение о допустимости сообщения, Комитет отметил, что согласно п. 2 (б) ст. 15 Международного пакта непринятие к рассмотрению по существу дела государством-участником должно рассматриваться как недопустимое на том основании, что исключительные средства правовой защиты не применяются. Во-первых, автор сообщения при первом обращении до конца не осознавал возможность последующих средств правовой защиты. Во-вторых, принимая во внимание ограниченное количество исключительных средств правовой защиты по данному вопросу, государство-участник не предоставило доказательства эффективности средств правовой защиты в отношении данного дела.

6.2. В отношении существа дела государство-участник заявляет, что п. 6 ст. 14 Международного пакта в данном деле неприменим, на что Комитет отметил, что данный вопрос станет предметом рассмотрения данного сообщения по существу.

7. 6 апреля 1984 г. Комитет по правам человека вынес решение:

...

2. Данное сообщение является приемлемым, в свете нарушения п. 6 ст. 14 Международного пакта;

3. В соответствии с п. 4 ст. 2 Факультативного протокола, Комитет истребует у государства-участника предоставления в течение 6 месяцев после передачи данного решения, письменных объяснений и пояснений по данному вопросу, в том числе и о средствах правовой защиты и мерах, которые могли быть приняты.

8. Предоставленные документы, согласно п. 2 ст. 4 Факультативного протокола, датированные 22 октября 1984 г., государство-участник пересмотрело заявленные факты и постановило:

«Автор сообщения №89/1981 на основании закона был приговорен судом к наказанию за невыполнение воинского долга. Законность данного приговора была пересмотрена и подтверждена судебным учреждением высшей инстанции. Своим решением от 2 февраля 1981 г. Комиссия по вопросам призыва на воинскую службу полагает, что признание виновным истца доказано и не указывает на принятые ранее решения и решение Министерства юстиции, которое могло быть ошибочным. И ни при каких условиях юридическая сила судебного решения не может подвергаться сомнению».

В соответствии с частью 1 статьи 29 Конституции (94/19), если, в связи с изменением обстоятельств, подчинение **действующему судебному решению** (*примечание – жирным шрифтом выделено автором*) не соответствует принципам справедливости, Президент в индивидуальном порядке может, получив мнение Верховного суда, помиловать лицо или назначить более мягкое наказание. Именно это и произошло в данном случае в отношении автора сообщения №89/1981.

10. Комитет по правам человека исследовал все предоставленные ему сторонами обстоятельства данного дела, как это предусматривается в пункте 1 статьи 5 Факультативного протокола.

11.1. Рассмотрев дело по существу, принимая решение о приемлемости, Комитет по правам человека, принимая во внимание предоставленную законодательством Финляндии возможность для граждан право выбора альтернативной службы вместо службы в вооруженных или невооруженных войсках Финляндии. Поскольку законодательство Финляндии предусматривает такое исключение, Комитет признает, что только власти Финляндии правомочны оценивать заявления на предмет такого исключения согласно законодательству Финляндии.

11.2. Задача Комитета сведена к тому, чтобы определить, в обстоятельствах дела г-на Мухонена, имел ли он право на получение компенсации в соответствии с пунктом 6 статьи 14 Пакта. Право на компенсацию может возникнуть в связи с уголовным разбирательством, если приговор, вынесенный в отношении лица, был в дальнейшем отменен, или если он/она «были помилованы в результате вновь открывшихся обстоятельств, которые окончательно доказали наличие судебной ошибки». С момента предоставления первой альтернативы, Комитет отмечает, что признание виновным г-на Мухонена согласно вынесенному решению городского суда г. Йоенсу (Joensuu) от 13 декабря 1978 г., подтвержденному Верховным судом восточной Финляндии от 26 октября 1979 г., которое отменило ранее вынесенное решение. Более того, г-н Мухонен не был помилован, потому что было установлено, что обвинительный приговор основывался на ошибочном приговоре. Принимая во внимание положения финского законодательства, в частности, нормы законодательного акта (23/72), который предусматривает ответственность новобранцев за невыполнение приказов, если эти граждане не были признаны лицами, отказывающимися от прохождения воинской службы по соображениям совести, Комиссия по вопросам призыва на воинскую службу признала совершение правонарушения. Это означает, что право на отказ от прохождения воинской службы не возникает автоматически, а признается таковым уполномоченным административным органом после рассмотрения этических мотивов. В соответствии с этим **помилование Президента не подразумевало, что была совершена судебная ошибка** (*примечание – жирным шрифтом выделено автором*). Как отметило государство-участник, предоставляя документы от 22 октября 1984 г., г-н Мухонен был помилован из соображений справедливости.

11.3. Безусловно, вынесение обвинительного приговора г-ну Мухонену явилось результатом решения, вынесенного Комиссией по вопросам призыва на воинскую службу от 18 октября 1977 г., которое отрицало правовой статус отказа от воинской службы в силу наличия

идейных убеждений. Данное решение основывалось на обстоятельствах, которые ранее установила Комиссия. Г-н Мухонену удалось убедить Комиссию в своих этических соображениях, которые противоречат воинской службе, **только после возобновления рассмотрения его дела осенью 1980 г., когда он лично предстал перед Комиссией** (примечание – жирным шрифтом выделено автором), до этого, в 1977 г., у него не было такой возможности.

12. В результате всего вышеизложенного, Комитет по правам человека решил, что г-н Мухонен не имеет права на компенсацию, которую власти Финляндии не выплатили, а, следовательно, в данном случае не было нарушения ст. 14 (б) Международного пакта».

Таким образом, в данном случае заявитель не получил права на компенсацию как жертва судебной ошибки, поскольку обстоятельства в данном деле не прошли двуединый тест: во-первых, заявитель был помилован президентом Финляндии, исходя из общих соображений справедливости и в силу большого количества обращений за помилованием от осужденных за аналогичные правонарушения, а не на основании выявленной судебной ошибки. Во-вторых, даже если бы была констатирована судебная ошибка, то, по мнению Комитета, заявитель является частично виновным в этом, поскольку он не явился лично на заседание специальной комиссии, вследствие чего комиссия не имела возможности опросить непосредственно заявителя, чтобы убедиться в наличии у него достаточных оснований для освобождения от службы в армии, и вынесла свое решение только на основании присланных заявителем документов.

То есть, заявитель не будет иметь права на компенсацию как жертва судебной ошибки, если будет установлено, что некоторое, ранее неизвестное суду обстоятельство, не было доведено к сведению суда исключительно или отчасти по вине самого заявителя. Данная поправка была внесена по инициативе Франции¹⁵, поскольку возникла потребность найти правовое решение в ситуациях, когда лицо, не виновное в совершении преступления, сознательно оговаривает себя, чтобы не выдать сообщников или для получения личной выгоды от виновного лица за не понесение последним положенной по закону ответственности. При этом обязанность доказывания того, что осужденное лицо полностью или частично виновно в своем осуждении, возлагается на государство.

3. Компенсация полагается лишь лицу, которое понесло наказание в результате осуждения

Как уже указывалось, предложения о распространении права на компенсацию в случае судебной ошибки на родственников жертвы, даже в случае исполнения смертного приговора, впоследствии признанного незаконным, не получили поддержки большинства стран-участников МПГПП. Поэтому при прочтении данного условия получения права на компенсацию ударение делается на определении **«лишь лицу»**, которое понесло наказание. Также вторым акцентом в данной формулировке является определение – «которое **понесло** наказание», поскольку возможны ситуации, когда лицо, осужденное к определенному наказанию, было впоследствии оправдано и реально не понесло присужденного наказания.

О такой ситуации идет речь в деле «W.J.H. против Нидерландов» (Сообщение 408/1990)¹⁶. В указанном деле заявитель был признан виновным в совершении ряда преступлений, включая мошенничество и подлог, и приговорен к лишению свободы. Однако суд апелляционной инстанции отменил обвинительный приговор суда первой инстанции в отношении заявителя и освободил его из зала суда, поскольку было установлено, что

¹⁵ Nowak M.U.N. Covenant on Civil and Political Rights. CCPR Commentary. 2-nd, rev ed. Kehl; Strasbourg; Arlington, 2005, page 354.

¹⁶ URL: <http://sim.law.uu.nl./SIM/CaseLaw/fulltextccpr.nsf/ac824e16154a0621c1256d3d003321f6/ffccea31178a2f8741256d550046ef8e?OpenDocument>

доказательства, свидетельствующие о виновности заявителя, были получены с нарушением национального процессуального законодательства. Соответственно, заявитель, будучи приговоренным к лишению свободы, не приступил к отбыванию этого наказания и был освобожден из СИЗО, в котором находился на период судебного процесса.

Тем не менее, заявитель обратился с заявлением в Комитет, основываясь на том, что, находясь в СИЗО, он был лишен свободы в течение трех месяцев, поэтому является жертвой судебной ошибки.

Комитет, рассмотрев материалы дела, признал данное заявление неприемлемым, поскольку содержание заявителя в СИЗО было обосновано с правовой точки зрения, и он не оспаривал законность своего содержания в СИЗО. В то же время, будучи приговоренным судом первой инстанции к лишению свободы, **реально** заявитель не понес наказания и поэтому у него нет права на компенсацию как жертвы судебной ошибки.

Таким образом, на примере решения Комитета по данному сообщению мы видим, что одним из условий для получения права на компенсацию в случае судебной ошибки является понесение наказания в реальности. Соответственно, одного только вынесения решения суда о лишении свободы жертве судебной ошибки не достаточно для получения права на компенсацию.

Собственно говоря, в данном случае есть еще одно обстоятельство – осуждение окончательным решением суда. Как видно из описания обстоятельств дела, заявитель был осужден к лишению свободы только приговором суда первой инстанции, в последствие отмененным в апелляции. Но даже в случае, если бы суд апелляционной инстанции подтвердил обвинительный приговор суда первой инстанции, то и в таком случае заявитель не смог бы получить правовой статус жертвы судебной ошибки, поскольку решение апелляционной инстанции не может считаться в понимании части 6 статьи 14 Пакта «окончательным решением суда» – ведь это решение может быть успешно обжаловано в суде третьей инстанции, и так далее, включая все возможные эффективные внутренние способы правовой защиты, вплоть до получения такого решения суда, которое невозможно будет обжаловать и которое и станет фактически и юридически окончательным решением суда.

4. Компенсация должна быть установлена законом

В отличие от всех вышеприведенных решений Комитета в следующем примере было констатировано нарушение части 6 статьи 14 Пакта – заявление Мишеля Дюмона против Канады (Сообщение № 1467/2006)¹⁷. Это дело представляет собой интерес по нескольким аспектам, поэтому заслуживает на детальное внимание. Кроме того, в данном деле имеются ссылки Комитета на аргументацию, приведенную в своих более ранних решениях, в том числе и указанных в предыдущих разделах настоящего доклада, поэтому есть смысл остановиться на нем подробнее.

Фабула дела такова, что заявитель был осужден за изнасилование, отбыл часть наказания и был освобожден условно-досрочно. Однако впоследствии обнаружилось, что жертва преступления подписала документ, в котором выражала сомнение в том, что нападавший на нее человек похож на заявителя, но этот документ не был представлен в суде. На этом основании заявитель считает, что в отношении него была допущена судебная ошибка, и требовал соответствующей компенсации.

«2.1. 25 июня 1991 года автор был признан Судом Квебека виновным в изнасиловании, совершенном в городе Буабриане, и приговорен к 52 месяцам тюремного заключения. Он

¹⁷ URL: <http://www.hr-lawyers.org/index.php?id=1297439175>

обжаловал это решение в Апелляционном суде Квебека, который 14 февраля 1994 года отклонил его апелляцию, поскольку автор не сослался ни на какую юридическую ошибку. Еще до рассмотрения апелляции автора жертва изнасилования подписала 23 июня 1992 года официальное заявление о том, что она ошиблась в отношении личности напавшего на нее человека, однако это заявление не было упомянуто в ходе слушания по апелляции. Автор оставался в тюрьме до мая 1997 года, когда было принято решение о его условно-досрочном освобождении. Таким образом, он провел в тюрьме 34 месяца. Правительство поручило комиссии по расследованию представить доклад о ходатайстве автора о пересмотре его дела, с которым он обратился на основании статьи 690 Уголовного кодекса. Авторы доклада, опубликованного 15 июля 1998 года, пришли к заключению о том, что заявление, сделанное жертвой изнасилования, вызывает разумные сомнения в отношении виновности автора сообщения. Это дело было, таким образом, передано в Апелляционный суд Квебека. 22 февраля 2001 года Апелляционный суд Квебека отменил обвинительный приговор, вынесенный Судом Квебека, и снял с автора все обвинения».

Таким образом, было установлено, что действительно имела место судебная ошибка, которая возникла абсолютно не по вине заявителя, и он реально понес наказание в виде лишения свободы. Казалось бы, есть все основания для получения заявителем компенсации как жертве судебной ошибки. Но в действительности ситуация оказалась не такой однозначной:

«2.2. 21 августа 2001 года автор подал в Высший суд Квебека гражданский иск против, в частности, генерального прокурора Квебека с целью получения финансовой компенсации за ущерб, причиненный ему и его семье... Наконец, 15 июня 2006 года данное дело было зарегистрировано для расследования и слушания в Суде. Автор также направил в различные инстанции многочисленные письма с требованием о выплате компенсации за судебную ошибку, от которой он пострадал.

3.1. Автор считает себя жертвой нарушения пункта 6 статьи 14 Пакта. Несмотря на то, что его осуждение было отменено, потому что новое или вновь открывшееся обстоятельство показало, что имела место судебная ошибка, компенсация автору не была выплачена в соответствии с «Руководящими принципами выплаты компенсации лицам, ошибочно осужденным и заключенным в тюрьму». Эти руководящие принципы, принятые в 1988 году министерствами юстиции и федеральными и провинциальными прокурорами, предусматривают, что для выплаты компенсации требуется выполнение следующих условий: заявитель был заключен в тюрьму, открылось новое обстоятельство, было доказано совершение судебной ошибки и было принято решение в соответствии со статьей 690 Уголовного кодекса. Компенсация выплачивается соответствующими провинциальными органами власти. Если лицо имеет право на компенсацию, проводится судебное или административное расследование с целью вынесения рекомендации в отношении суммы компенсации.

3.2. Автор считает, что он отвечает трем критериям, установленным в этих руководящих принципах для выплаты компенсации. Поскольку не существует никакого официального вопросника, он просто написал несколько раз письма соответствующим органам с просьбой о получении компенсации. Все его просьбы были отклонены. Министерство юстиции Квебека предложило ему обратиться в гражданские суды. Автор поясняет, что в «Руководящих принципах» ничего не говорится о том, что для получения компенсации необходимо подавать иск в гражданские суды, и он утверждает, что у него нет для этого финансовых средств. Он уточняет, что со времени введения этой программы в 1988 году компенсацию в Квебеке получил только один человек – г-н Р.П. Он был оправдан в 1986 году и получил компенсацию лишь в 2001 году, то есть, после 15 лет ожидания. По мнению автора, г-ну Р.П. удалось получить компенсацию лишь потому, что омбудсмен оказал давление на тогдашнего министра юстиции».

В ответ на все усилия по получению компенсации в ситуации явной судебной ошибки правительство Канады заявило Комитету возражения по формальным основаниям, а

именно – о неприемлемости сообщения в связи с неисчерпанием автором всех внутренних средств правовой защиты в части получения компенсации:

«4.1. 7 июля 2006 года государство-участник оспорило приемлемость сообщения. Оно утверждает, что 21 августа 2001 года, то есть, через шесть месяцев после оправдания автора, он подал в Высший суд Квебека гражданский иск против, в частности, правительства Квебека с целью получения финансовой компенсации. Это дело было зарегистрировано 15 июня 2006 года для расследования и слушания в Суде. Государство-участник поясняет, что автор мог зарегистрировать его дело уже 13 августа 2002 года, после представления Квебеком аргументации в свою защиту, чего он не сделал. Поэтому государство-участник утверждает, что автор не исчерпал внутренних средств правовой защиты и что его дело будет заслушано в ближайшее время. Если требование автора будет отклонено, то государство-участник напоминает, что автор может подать апелляцию в Апелляционный суд Квебека и, в конечном счете, по разрешению, в Верховный суд Канады.

4.2. Государство-участник также напоминает, что 22 марта 2006 года автор также подал жалобу омбудсмену Квебека и что эта процедура также продолжается. Хотя автор утверждает, что у него нет необходимых финансовых средств для предъявления исков о взыскании убытков, государство-участник напоминает, что обращение к омбудсмену не влечет финансовых последствий и что в любом случае простого утверждения об отсутствии денег недостаточно, чтобы позволить автору уклониться от обязанности, касающейся исчерпания внутренних средств правовой защиты».

Убежденность правительства Канады в необходимости исчерпания заявителем всех внутренних средств правовой защиты исходила из существовавшего на то время подзаконного акта «Руководящие принципы выплаты компенсации лицам, ошибочно осужденным и заключенным в тюрьму». Согласно этому документу, лицо, ставшее жертвой судебной ошибки и ошибочно осужденное, **обязано дополнительно доказать свою действительную невиновность** (*примечание – жирным шрифтом выделено автором*). В этой связи автор сообщения обвинил Канаду в невыполнении своих обязательств согласно части 6 статьи 14 МПГПП и завил следующее:

«5.1. 17 октября 2006 года автор отмечает, что, с одной стороны, государство-участник утверждает, что его сообщение является неприемлемым, потому что он подал иск, в частности, против генерального прокурора Квебека. С другой стороны, государство-участник утверждает, что этот иск также является неприемлемым. Во всяком случае, автор утверждает, что его иск не имеет ничего общего с его правом на получение компенсации в качестве жертвы судебной ошибки в соответствии с пунктом 6 статьи 14 Пакта. В своем иске он стремится доказать, что полиция и Корона допустили ошибки.

5.2. Автор утверждает, что государство-участник не соблюдает своих обязательств по Пакту, поскольку единственной мерой, которую оно приняло в целях осуществления пункта 6 статьи 14, является принятие «Руководящих принципов выплаты компенсации лицам, ошибочно осужденным и заключенным в тюрьму». Он напоминает, что в этом документе государство-участник само признало, что «следует отметить, что механизм компенсации, который будет основываться исключительно на этих руководящих принципах, скорее всего, позволит Канаде лишь частично выполнить обязательства, возложенные на нее Международным пактом, поскольку право на компенсацию не будет основываться на законодательстве, как это предусмотрено статьей 14 (6) Международного пакта». Согласно этому же документу жертва судебной ошибки в Канаде, даже в случае отмены приговора, как это предусмотрено в пункте 6 статьи 14 Пакта, **должна однозначно доказать свою невиновность** (*примечание – жирным шрифтом выделено автором*), чтобы получить компенсацию. В этой связи автор ссылается на ответ, направленный ему помощником заместителя министра юстиции Квебека 24 февраля 2006 года, в котором он заявляет, что его анализ данного дела не позволяет ему сделать убедительный вывод о фактической невиновности автора и что это убеждение в его невиновности необходимо для применения «Руководящих принципов выплаты компенсации лицам, ошибочно осужденным и

заклученным в тюрьму». Он напоминает, что он был оправдан Апелляционным судом 22 февраля 2001 года и что он должен в **полной мере пользоваться презумпцией невиновности** (*примечание – жирным шрифтом выделено автором*).

В свою очередь, правительство Канады настаивало на неприемлемости заявления, поскольку автор в своих исках изменил требования и, в частности, ставит вопрос о выплате ему компенсации. Следовательно, вопрос о выплате компенсации пребывает на рассмотрении и может быть удовлетворен с помощью внутренних средств правовой защиты. Фактически, правительство Канады поставило выполнение обязательств по выплате компенсации жертве судебной ошибки в зависимость от успешности прохождения гражданских тяжб, связанных с обстоятельствами незаконного осуждения:

«6.1. 6 февраля 2007 года государство-участник отмечает, что в гражданском иске автора, поданного в Высший суд Квебека, автор ставит в упрек генеральному прокурору Канады конкретные ошибки, совершенные в период его содержания под стражей в учреждении федеральной тюремной системы. Эти утверждения не были представлены на рассмотрение Комитета. Именно в связи с этими утверждениями правительство Канады настаивает на неприемлемости сообщения. В том же иске, поданном в Высший суд Квебека, автор требует, кроме того, выплаты компенсации за ущерб, который был якобы причинен его семье в результате его осуждения и тюремного заключения.

6.2. Хотя автор утверждает, что его иск «не имеет ничего общего с его правом на получение компенсации в качестве жертвы судебной ошибки в соответствии с пунктом 6 статьи 14 Пакта», государство-участник отмечает, что автор изменил свое первоначальное заявление, включив в него отдельный раздел, касающийся конкретно его права на компенсацию на основании Канадской хартии прав и свобод и Хартии прав и свобод человека, которые и в том, и в другом случае связаны с Пактом. Таким образом, вопреки тому, что автор, как представляется, утверждает в своем сообщении Комитету, государство-участник считает, что поданный им иск может привести к выплате ему компенсации за судебную ошибку, от которой он якобы пострадал. Соответственно, государство-участник утверждает, что этот иск может оказаться для автора средством правовой защиты, которой он пытается добиться от Комитета, а именно: он может привести к выплате автору компенсации за судебную ошибку, от которой он якобы пострадал, причем независимо от бремени доказывания, которое лежит на авторе в результате предъявления этого иска и которое присуще любому гражданскому иску. Кроме того, государство-участник напоминает, что автор должен в любом случае доказать, что он удовлетворяет условиям применения пункта 6 статьи 14, и, в частности, предоставить доказательства того, что имела место судебная ошибка». В качестве аргументации данного утверждения правительства Канады ссылались на сообщения Комитета, принятые по вышеуказанным сообщениям (Сообщение № 89/1981, «Мухонен против Финляндии», а также Сообщение № 408/1990, «W.J.H. против Нидерландов»), в которых было указано на неприемлемость данных сообщений.

В дальнейших аргументах правительство последовательно возражало против всех пунктов заявителя, основываясь на аргументах процессуального характера внутреннего законодательства, а также указывая, что заявитель все еще имеет возможность удовлетворить свои требования о компенсации как сторона в гражданском процессе. Кроме того, в упрек автору ставилось то обстоятельство, что он делал слишком большие паузы и долго не осуществлял никакой активности для защиты своих интересов:

«6.3. Государство-участник считает, что доводы автора, касающиеся «Руководящих принципов», к делу не относятся.

6.4. Что касается жалобы, поданной омбудсмену Квебека 22 марта 2006 года, то государство-участник отмечает, что в июне 2006 года она была признана омбудсменом неприемлемой на том основании, что Закон об омбудсмене запрещает всякое вмешательство омбудсмена в случае, если заявитель подал жалобу в судебный орган.

7.1. 27 мая 2007 года государство-участник отмечает, что иск, поданный автором в Высший суд Квебека, еще не заслушивался и что дата суда еще не назначена. С момента регистрации иска для расследования и заслушания 15 июня 2006 года этот иск продолжает проходить обычную процедуру. Регистрация с целью расследования и заслушания означает, что дело подготовлено и что может быть назначена дата судебного разбирательства. Стороны спора встретились с Судом в марте 2007 года, чтобы назначить дату процесса, но Суд отложил назначение даты до 29 июня 2007 года, с тем чтобы принять некоторые меры по облегчению хода судебного процесса, посчитав, что в деле участвуют несколько сторон и что судебное разбирательство займет долгое время. Следует отметить, что сроки процессуальных действий с того момента, как дело было зарегистрировано для расследования и заслушания в июне 2006 года, являются обычными в данных обстоятельствах.

7.2. Государство-участник также напоминает, что автор прождал 18 месяцев после представления Квебеком доводов защиты, то есть, до 17 февраля 2004 года, чтобы приобщить к делу в Суде измененное заявление. Затем он прождал еще 28 месяцев, прежде чем зарегистрировать 15 июня 2006 года дело для расследования и заслушания, то есть, после того, как Квебек принудил его к этому посредством соответствующей процедуры. Таким образом, прошло почти четыре года между датой, когда Квебек приобщил доводы защиты к находившемуся на рассмотрении Суда делу, и датой, когда автор зарегистрировал дело для расследования и заслушания».

В завязавшемся в дальнейшем обмене возражениями автор указывал правительству на то, что его заявления в суды общей юрисдикции не имеют перспективы быть удовлетворенными в части компенсации ему как жертве судебной ошибки, поскольку законодательство Канады не содержит такой нормы, а перерывы в ведении дела были вынужденными и были вызваны его надеждами на возможность дружественного урегулирования спора и выплатой ему надлежащей компенсации как жертве судебной ошибки в порядке дружественного урегулирования. В свою очередь, правительство последовательно оспаривало обоснованность его исковых требований о компенсации в судах внутренней юрисдикции. Поскольку это не имеет прямого отношения к цели настоящего доклада, эту часть соображений мы опустим и перейдем к позиции Комитета относительно приемлемости сообщения относительно части 6 статьи 14 Пакта:

«13.2. Комитет отметил, что осуждение автора Судом Квебека 25 июня 1991 года было оставлено в силе Апелляционным судом Квебека 14 февраля 1994 года. Автор не обжаловал этого решения в Верховном суде Канады, но он обратился к министру юстиции Канады на основании статьи 690 Уголовного кодекса. В результате этого обращения министр юстиции Канады распорядилась вернуть это дело в Апелляционный суд, так как ей стали известны некоторые сведения, которые могли повлиять на решение относительно виновности или невиновности автора. 22 февраля 2001 года Апелляционный суд Квебека снял с автора все предъявленные ему обвинения. Поэтому Комитет считал, что пункт 6 статьи 14 в данном случае применим.

13.3. Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то Комитет принял к сведению утверждения государства-участника о том, что в результате возбуждения дела в Высшем суде Квебека автор может получить компенсацию за судебную ошибку, от которой он якобы пострадал. Вместе с тем Комитет отметил, что автор уже обращался, пока что безуспешно, во многие инстанции за получением компенсации. Согласно «Руководящим принципам выплаты компенсации лицам, ошибочно осужденным и заключенным в тюрьму», провинциальный или федеральный министр, ответственный за уголовное правосудие, должен был бы назначить комиссию по юридическому или административному расследованию для изучения вопроса о выплате компенсации автору. Однако такая комиссия так и не была создана. В любом случае, Комитет отметил, что государство-участник само призналось в «Руководящих принципах», что «механизм компенсации, который будет основываться на этих руководящих принципах, скорее всего, позволит Канаде лишь частично выполнить обязательства, возложенные на нее Международным

пактом, поскольку право на компенсацию не будет основываться на законодательстве, как это предусмотрено статьей 14 (6) Международного пакта».

13.4 Комитет отметил, что 21 августа 2001 года автор подал гражданский иск против генерального прокурора Квебека с целью получения компенсации. Это производство, которое еще не завершилось, продолжается уже шесть лет. Комитет отметил, что, хотя автор изменил 17 февраля 2004 года свое первоначальное заявление, его дело не могло быть зарегистрировано для расследования и заслушания в Высшем суде Квебека до 15 июня 2006 года, так как генеральный прокурор Канады представил свои доводы защиты лишь 8 июня 2006 года. Кроме того, Комитет отметил, что автор надеялся на полюбовное урегулирование спора вплоть до 24 февраля 2006 года, когда заместитель министра ему, наконец, сообщил, что такого урегулирования не будет (см. выше пункт 9). Поэтому Комитет счел, что автор не может нести исключительную ответственность за задержку. В этих обстоятельствах Комитет пришел к выводу, что государство-участник не продемонстрировало, что судопроизводство является эффективным, и объявил сообщение приемлемым, поскольку оно поднимает вопросы, касающиеся пункта 6 статьи 14».

Тем не менее, правительство Канады продолжало настаивать на неприемлемости сообщения на основании того, что автором не были исчерпаны внутренние средства защиты. Кроме того, правительство ссылалось на факты из материалов в уголовном деле, которые, по мнению правительства, не свидетельствовали о невиновности автора в инкриминированном ему преступлении и что обвинительный приговор в отношении автора сообщения был отменен лишь в связи с обоснованными сомнениями в его виновности, но никак не в связи с его истинной невиновностью.

«14.1. 29 апреля 2008 года государство-участник представило замечания относительно приемлемости и существа сообщения и просило Комитет пересмотреть его решение о приемлемости в соответствии с пунктом 4 статьи 99 его Правил процедуры и объявить сообщение неприемлемым в силу того, что не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты. В дополнение к этому государство-участник просило Комитет констатировать приемлемость *ratione materiae* сообщения на том основании, что автор не доказал, что он отвечает требованиям пункта 6 статьи 14 Пакта, или отклонить сообщение по существу в виду отсутствия нарушения пункта 6 статьи 14.

14.2. Государство-участник напоминает факты по данному делу и уточняет, что 23 июня 1992 года жертва вменяемых автору деяний, ошибочно полагая, что автор находится в тюрьме, заявила, что где-то в конце марта 1992 года она увидела двойника автора в пункте проката видеокассет. Это заявление было якобы направлено адвокату автора в письме от 3 июля 1992 года. Сообщается, что в период с 1994 по 1997 год потерпевшая несколько раз заявляла, что она продолжает сомневаться в отношении личности нападавшего, однако она так и не отказалась от ранее данных показаний. Поэтому в своем решении от 22 февраля 2001 года Апелляционный суд Квебека пришел к выводу, что сделанные потерпевшей заявления вызывают разумное сомнение в отношении виновности автора сообщения. Суд, однако, не принял решения в отношении невиновности автора.

14.3. Государство-участник утверждает, что гражданский иск, поданный автором в Высший суд Квебека, может в полной мере возместить ущерб, от которого якобы пострадал автор. Учитывая, что это дело еще находится на рассмотрении, государство-участник утверждает, что автор не исчерпал всех применимых и эффективных внутренних средств правовой защиты. Оно уточняет, что гражданский иск, если автор выиграет дело, позволит в полной мере возместить ущерб, который был якобы причинен автору.

14.6. В связи с вопросом о создании комиссии по юридическому или административному расследованию в соответствии с «Руководящими принципами выплаты компенсации лицам, ошибочно осужденным и заключенным в тюрьму», государство-участник оспаривает также замечания Комитета, содержащиеся в пункте 13.3, и уточняет, что такая комиссия создается только в том случае, если лицо удовлетворяет критериям приемлемости. Однако одним из

критериев приемлемости является доказательство того, что лицо не совершило преступления, за которое оно было осуждено, в отличие от лица, признанного виновным. В данном случае автор был оправдан, учитывая, что новое доказательство, то есть, заявление потерпевшей, не могло позволить осмотрительному суду присяжных прийти, вне всякого разумного сомнения, к заключению о виновности автора. Апелляционный суд в принципе не заявлял, что автор не совершал преступления, за которое он был осужден, поэтому в отсутствие такого заявления допустимость применения «Руководящих принципов» была рассмотрена в рамках административного расследования, в результате которого был сделан вывод о том, что доказательство того, что автор не совершал преступления, за которое он был осужден, предоставлено не было. Поэтому назначать комиссию по расследованию для определения суммы компенсации не было необходимости.

14.7. В связи с выражением «согласно закону» в статье 14 (6) Пакта государство-участник утверждает, что значение этого выражения не оказывает никакого практического или конкретного влияния на вопрос, являющийся предметом данного сообщения, полагая, что критерий фактической невинности для выплаты компенсации не изменится от того, будут ли «Руководящие принципы» применяться на основании административных мер или в соответствии с законом. Оно утверждает, что в свете статьи 2 (2) Пакта «Руководящие принципы» обеспечивают права, закрепленные в статье 14 (6), так как эти принципы являются публичными и достаточно точными и подробными, чтобы позволить лицу предусмотреть критерии, согласно которым будет рассматриваться его заявление.

14.8. Помимо этого, если Комитет оставит без изменения соображения от 13 июля 2007 года, то сообщение, по утверждению государства-участника, должно быть объявлено неприемлемым *ratione materiae* на основании статьи 3 Факультативного протокола, поскольку автор якобы не доказал, что он отвечает условиям применения статьи 14 (6). Кроме того, автор якобы не сумел доказать, что его осуждение было отменено в результате какого-либо нового или вновь обнаруженного обстоятельства, учитывая, что заявление, в котором потерпевшая выражает неуверенность в отношении личности автора, было препровождено адвокату автора в 1992 году, то есть, в период между рассмотрением дела судом первой инстанции и подачей апелляции. Кроме того, государство-участник утверждает, что даже если заявление, сделанное потерпевшей в 1992 году, будет рассматриваться как новое или вновь обнаруженное обстоятельство, что отрицается, то автору будет полностью или частично вменено в вину неразглашение этого обстоятельства в должное время, так как автор не упомянул о нем во время заслушания в Апелляционном суде Квебека 14 февраля 1994 года. Государство-участник напоминает, что, согласно практике Комитета, оно не может нести ответственность за действия или бездействие адвоката автора.

14.9. В заключение государство-участник утверждает, что автор не сумел доказать, что он стал жертвой судебной ошибки по смыслу статьи 14 (6). Оно напоминает, что в ходе подготовительной работы некоторые государства определяли цель статьи 14 (6) как выплату компенсации лицам, **не виновным** в совершении преступлений (*примечание – жирным шрифтом выделено автором*), за которые они были осуждены. Оно также напоминает, что, согласно практике Комитета, принцип презумпции невинности, на который ссылается автор, не применяется к производству по делу о компенсации. Автор якобы не доказал, на основе наличия большей вероятности, что он не совершал данного преступления, а поэтому он не доказал и своей фактической невинности. Неуверенность потерпевшей в отношении личности нападавшего, которая привела к оправданию автора, **не доказывает его фактической невинности** (*примечание – жирным шрифтом выделено автором*). Кроме того, потерпевшая никогда не отказывалась от своих показаний и в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства ни разу не выразила сомнения в том, что автор был тем человеком, который на нее напал. Апелляционный суд, пересмотревший решение, не обнаружил никакого нарушения, упущения, злоупотребления правом или отказа в правосудии в ходе полицейского расследования или привлечения к ответственности».

В свою очередь, автор сообщения настаивал, что вполне соответствует критериям жертвы судебной ошибки, поскольку вследствие вновь открывшегося доказательства с него были сняты все выдвинутые обвинения. Также автор сообщения возражает против утверждений правительства о том, что положения «Руководящих принципов» соответствуют положениями статьи 14 (6) Пакта, вновь ссылаясь на содержание этих «Руководящих принципов», поскольку эти принципы обязывают автора сообщения доказать свою истинную невиновность, хотя в статье 14 (6) Пакта такое положение отсутствует. При этом автор сообщения ссылался на прецедент с господином С.Т., который был оправдан в 2007 году и, хотя он не был объявлен невиновным, получил компенсацию в 2008 году:

«15.1. 29 июня и 9 июля 2008 года автор повторяет, что он удовлетворяет всем критериям для выплаты компенсации в соответствии с «Руководящими принципами», а также на основании статьи 14 (6) Пакта, считая, что в результате нового доказательства в форме заявления, в котором потерпевшая говорит о своей ошибке в отношении личности нападавшего, его окончательное осуждение в уголовном порядке было впоследствии аннулировано и что с него были сняты все выдвинутые против него обвинения.

15.3. Автор оспаривает утверждения государства-участника, касающиеся соответствия «Руководящих принципов» статье 14 (6) Пакта, и утверждает, что в самом тексте «Руководящих принципов» содержится утверждение государства-участника о том, что в отсутствие закона эти принципы не в полной мере отвечают обязательствам по Пакту. Он добавляет, что в отличие от «Руководящих принципов» статья 14 (6) не налагает на жертв судебной ошибки обязанности доказать их фактическую невиновность.

15.4. Кроме того, автор утверждает, что, передавая его дело в Апелляционный суд, министр юстиции упомянула о его невиновности, отметив, что «эта жалоба является исключительной мерой, которая используется только в том случае, когда министр убеждается в вероятности судебной ошибки». Автор утверждает, что Апелляционный суд вынес, по сути, решение о его невиновности, отменив его осуждение и оправдав его. Если бы было сомнение в отношении его невиновности, то Апелляционный суд мог бы распорядиться о проведении нового судебного разбирательства. Учитывая, что в материалах полицейского расследования не содержится ни экспертизы отпечатков пальцев, ни анализов ДНК, автор был осужден исключительно на основе утверждений потерпевшей, которая, с другой стороны, не раз заявляла о его невиновности, в том числе публично. Автор оспаривает также описание нападавшего, предоставленное государством-участником, и указывает на некоторые различия в описании, содержащиеся в полицейском протоколе, составленном в момент подачи потерпевшей жалобы.

15.5. Автор также подчеркивает, что Апелляционный суд принял к рассмотрению в качестве нового доказательства шесть заявлений пострадавшей после рассмотрения дела в суде первой инстанции и утверждал, что это новое доказательство было предоставлено достаточно оперативно, относилось к делу, заслуживало доверия и было способно повлиять на приговор. Принятие к рассмотрению заявлений пострадавшей привело к отмене решения, вынесенного 25 июня 1991 года. Он утверждает, что таким образом Апелляционный суд установил, что автору не может вменяться в вину нераскрытие этого нового обстоятельства. Автор, впрочем, отрицает препровождение его адвокату заявления пострадавшей от 23 июня 1992 года и подчеркивает, что государство-участник не предоставило уведомления о вручении письма от 3 июля 1992 года. Кроме того, он утверждает, что государство-участник было обязано включить эту информацию в дело, касающееся апелляции».

В порядке дополнительных замечаний сторон по вопросу о приемлемости и по существу правительство Канады резюмировало свою позицию таким образом, что оправдательный приговор выносится в рамках стандартов «наличия разумных сомнений» в виновности лица, в то время как компенсация жертве судебной ошибки предполагает доказанность невиновности этого лица «вне всяких сомнений». Кроме того, правительство утверждало, что в рамках текущего судебного разбирательства не было указано, что задержка с появлением

новых показаний жертвы изнасилования была допущена не по вине самого автора сообщения, и что при этом все-таки нет достоверного доказательства относительно фактической невинности автора в инкриминируемом ему преступлении:

«16.1. 19 декабря 2008 года государство-участник вновь заявляет, что «доказательство фактической невинности является необходимым условием для применения статьи 14 (б) и «Руководящих принципов» (см. выше пункт 3.1) и ключевой составляющей судебной ошибки». Концепция судебной ошибки, которая была применена к передаче министром юстиции дела в Апелляционный суд, имеет целью определить, должно ли осуждение, в свете дополнительных доказательств, быть оставлено в силе вне всякого разумного сомнения, тогда как компенсация за судебную ошибку основывается на фактической невинности автора. Государство-участник также повторяет, что оправдание автора основывалось на неуверенности пострадавшей в личности напавшего на нее человека и на выраженном в этой связи разумном сомнении, однако это оправдание не может истолковываться как доказательство фактической невинности автора.

16.2. Что касается утверждений автора, касающихся получения заявления пострадавшей в 1992 году, то государство-участник подтверждает свои замечания от 29 апреля 2008 года и утверждает, что эти заявления автора рассматриваются Высшим судом Квебека в рамках гражданского иска. В решении Апелляционного суда 2001 года не установлено, что неразглашение в должное время заявления, сделанного пострадавшей в 1992 году, не будет полностью или частично вменяться автору в вину.

16.3. В связи с заявлением потерпевшей государство-участник уточняет, что оно не может служить аргументом для оправдания автора, так как в нем утверждается, что пострадавшая видела в пункте проката человека, «которым мог быть Дюмон». В последующих заявлениях не устанавливается, путем предоставления более веских доказательств, фактической невинности автора.

16.5. Государство-участник также оспаривает тот факт, что описание пострадавшей напавшего на нее человека ставится под вопрос, и подчеркивает, что ни в 1994, ни в 2001 году автор никак не оспорил это описание, сделанное во время разбирательства дела в суде первой инстанции».

В свою очередь, автор сообщения указывал на свою фактическую невинность, аргументируя это тем, что сама потерпевшая публично заявила, что он не виновен в совершении преступления и что сомнение, высказанное потерпевшей относительно личности напавшего на нее человека, было сообщено следователю, но эта информация не была доведена к сведению заявителя или его адвоката:

«17. 10. февраля 2009 года автор повторяет свои комментарии от 29 июня 2008 года и подчеркивает, что пострадавшая публично заявила, что он не виновен в совершении данного преступления.

20. 23 августа 2009 года автор утверждает, что сомнение, высказанное пострадавшей в отношении напавшего на нее человека, было сообщено следователю на следующий день после предполагаемой встречи в видеоклубе в марте 1992 года, однако эта информация не была доведена до сведения автора или его адвоката. Кроме того, он утверждает, что решение от 17 июля 2009 года содержит явные ошибки, так как судья, например, основывался на заявлении об установлении личности напавшего, сделанном пострадавшей, которая хотела, помимо фотографии автора, посмотреть и на его руки, так как на руках напавшего на нее человека имелась татуировка. Однако пострадавшая так и не видела рук автора. Не было также и сцены преступления, так как пострадавшая сообщила о совершенном на нее нападении только спустя два дня после инцидента. Кроме того, необычно то, что пострадавшая уже в сентябре 1994 года сообщила исправительным службам о ее сомнениях в отношении напавшего на нее человека, и еще более непонятно, почему власти не взяли на себя инициативу с целью возобновить рассмотрение дела.

Наконец, автор утверждает, что государство-участник и правительство Квебека отказываются признать свою ответственность за судебную ошибку, от которой он якобы пострадал, и что он получил от города Буабриана и его страховых компаний лишь часть запрошенной компенсации».

К данному моменту коммуникаций автора сообщения с правительством закончилось рассмотрение гражданского иска заявителя в Высшем суде Квебека, который отклонил требования истца о компенсации. Позиция Высшего суда Квебека полностью совпадала с позицией правительства, поэтому решение суда было использовано правительством как решающий аргумент для обоснования требований правительства о неприемлемости сообщения ввиду отсутствия судебной ошибки, поскольку на момент вынесения обвинительного приговора у суда были все основания для такого решения и отсутствовали какие-либо основания для сомнений в виновности подсудимого:

«21.1. 25 сентября 2009 года государство-участник сообщило Комитету, что автор подал апелляцию на решение Высшего суда Квебека от 17 июля 2009 года и что решения Апелляционного суда следует ожидать не раньше, чем через несколько месяцев. Государство-участник повторяет, что цель гражданского иска автора является по сути той же, что и цель сообщения, направленного Комитету, и что гражданский иск является применимым и эффективным средством защиты, которое еще не было исчерпано.

21.2. Государство-участник поясняет, что Высший суд Квебека отклонил иск автора за отсутствием вины со стороны как генерального прокурора Квебека, так и генерального прокурора Канады. Суд пришел к выводу, что в момент предъявления обвинений автору в 1990 году у генерального прокурора Квебека были разумные и вероятные основания считать, что автор был виновен в совершении данного преступления и что никаких доказательств злого умысла, злоупотреблений или недобросовестности со стороны генерального прокурора Квебека не было. Выводы, к которым пришел этот Суд, подтверждают позицию государства-участника, которое утверждает, что оно не совершило никакой ошибки в ходе производства по делу автора. Суд также пришел к выводу, что не было установлено, что ни сам автор, ни его адвокат не получили следственного заключения, содержащего заявления, в которых пострадавшая выражала свое сомнение в отношении напавшего на нее человека, и что генеральный прокурор Квебека не совершил ошибки, не упомянув о заявлении пострадавшей во время рассмотрения апелляции, так как он выполнил свою обязанность по раскрытию этой информации и ему не надлежало вмешиваться в доказательства защиты.

Наконец, государство-участник утверждает, что заключение Высшего суда Квебека о том, что существуют признаки того, что человеком, которого пострадавшая видела в видеоклубе в марте 1992 года, мог быть автор сообщения, подтверждает его позицию, согласно которой автор не установил своей фактической невиновности для применения пункта 6 статьи 14 Пакта».

В создавшейся ситуации чаша весов качнулась в сторону правительства Канады и Комитет принял аргументы государства о необходимости пересмотра своего решения о приемлемости сообщения. Взвесив доводы сторон, Комитет все-таки пришел к выводу о том, что никаких новых оснований для пересмотра решения о приемлемости сообщения государство не предоставило и приступил к рассмотрению сообщения по существу:

«22.1. Комитет принимает к сведению просьбу государства-участника пересмотреть его решение о приемлемости от 13 июля 2007 года в соответствии с пунктом 4 статьи 99 Правил процедуры Комитета и объявить сообщение неприемлемым, поскольку не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты.

22.2. Комитет отмечает, что государство-участник признает, что комиссия по правовому или административному расследованию, предусмотренная «Руководящими принципами выплаты компенсации лицам, ошибочно осужденным и заключенным в тюрьму», не была

создана для рассмотрения дела автора по той причине, что автор не отвечал критериям приемлемости, требующим доказательства его невиновности. Его ходатайство было поэтому отклонено. Он также отмечает, что 17 июля 2009 года Высший суд Квебека отклонил в первой инстанции гражданский иск, поданный 21 августа 2001 года автором на генеральных прокуроров Квебека и Канады с целью получения компенсации за судебную ошибку, и что это производство, однако, еще не завершено спустя девять лет после оправдания автора сообщения. В свете объяснений сторонами причин задержки гражданского судопроизводства автор не может нести исключительной ответственности, поскольку его информировали о том, что полюбовного урегулирования не будет только 24 февраля 2006 года.

22.3. Комитет отмечает, что государство-участник не предоставило новых доказательств, которые могли бы привести к пересмотру его решения о приемлемости. Следовательно, он повторяет, что данное сообщение является приемлемым, и приступает к его рассмотрению по существу».

В процессе рассмотрения сообщения по существу Комитет подтвердил свою позицию, отраженную в соображениях общего порядка № 32, а также в предыдущих соображениях по некоторым сообщениям, в том числе и тем, которые были проанализированы выше («Мухонен против Финляндии», «W.J.H. против Нидерландов», «Терри Ирвинг против Австралии»). Исходя из сложности дела представляется необходимым привести полный текст итогового решения Комитета:

«23.2. Комитет напоминает условия применения пункта 6 статьи 14 Пакта, согласно которым лицу, которое было окончательным решением осуждено за уголовное преступление и понесло наказание как следствие такого осуждения, выплачивается компенсация согласно закону, если вынесенный приговор был впоследствии отменен или ему было даровано помилование на том основании, что какое-либо новое или вновь обнаруженное обстоятельство доказывает наличие судебной ошибки.

23.3. В данном случае автор был окончательно осужден по уголовному делу и приговорен к 52 месяцам тюремного заключения. Он пробыл в тюрьме в общей сложности 34 месяца. 22 февраля 2001 года Апелляционный суд Квебека снял с автора все выдвинутые против него обвинения, «учитывая, что новое доказательство не могло бы позволить разумному и правильно информированному суду присяжных прийти к выводу, вне всякого разумного сомнения, о виновности заявителя [автора]».

23.4. Комитет отмечает довод государства-участника о том, что не было установлено, что автор не совершал данного преступления, и что его фактическая невиновность, следовательно, не доказана. Государство-участник утверждает, что, по его мнению, судебная ошибка по смыслу статьи 14 (6) Пакта происходит только в том случае, если осужденное лицо на деле невиновно (фактическая невиновность) в совершении преступления, вменяемого ему в вину. Оно также поясняет, что в традиционной канадской уголовной системе общего права последующее оправдание лица, признанного виновным, не означает, что оно невиновно, если только суд прямо не заявляет об этом в результате предоставления неоспоримого доказательства.

23.5. В данном случае, без ущерба для позиции Комитета в отношении точности толкования государством-участником пункта 6 статьи 14 Пакта и его последствий для принципа презумпции невиновности, Комитет отмечает, что осуждение автора основывалось главным образом на заявлениях пострадавшей и что сомнение, выразившееся пострадавшей, начиная с марта 1992 года, в отношении напавшего на нее человека, привели к отмене 22 февраля 2001 года обвинительного приговора в отношении автора. Он, кроме того, отмечает, что в государстве-участнике никакая процедура не позволяет в случае оправдания подсудимого начать новое расследование с целью пересмотра дела и возможной идентификации настоящего преступника. Комитет поэтому считает, что автор не может нести ответственность за эту ситуацию.

23.6. Следовательно, автор не мог – отчасти из-за этого недостатка, отчасти из-за задержек в гражданском судопроизводстве, которое продолжается в течение девяти лет, – располагать эффективным средством правовой защиты, которое позволило бы ему установить его невиновность, как того требует государство-участник, для получения компенсации, предусмотренной пунктом 6 статьи 14. Поэтому Комитет констатирует нарушение пункта 3 статьи 2 в совокупности с пунктом 6 статьи 14 Пакта.

24. Комитет по правам человека, действуя в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, заявляет, что, по его мнению, представленные ему факты свидетельствуют о нарушении пункта 3 статьи 2 в совокупности с пунктом 6 статьи 14.

25. В соответствии с положениями пункта 3 (а) статьи 2 Пакта государство-участник обязано обеспечить автору эффективное средство правовой защиты в виде адекватной компенсации. Государство-участник обязано также принять меры к недопущению подобных нарушений в будущем».

В дополнение к сказанному, необходимо отметить особо, что государства-участники, взявшие на себя обязательства по соблюдению прав человека и основных свобод в рамках МПГПП, также взяли на себя обязанности обеспечить реализацию этих прав и свобод на национальном уровне. В случае же, если государства-участники не были согласны с какими-либо положениями Пакта, они должны были сделать отдельные исключения, поскольку отсутствие в национальном законодательстве закона, предусматривающего, например, возможность компенсации жертвам судебной ошибки, не освобождает государство от необходимости выполнять обязательства, предусмотренные Пактом.

В данной ситуации так поступили государства Мальта и Тринидад и Тобаго, которые оказались не в состоянии обеспечить компенсацию жертвам судебной ошибки и поэтому при подписании Пакта эти государства сделали соответствующую оговорку. Поскольку Канада такой оговорки не сделала, следовательно, на это государство распространяется действие части 6 статьи 14 как норма международного права, имеющая приоритет над нормами национального права.

Обоснование исковых требований о компенсации морального вреда

Компенсация морального (неимущественного) вреда, причиненного физическому лицу, является действенным способом восстановления нарушенного права. Этот способ применяется как в отношении жертв уголовных правонарушений, так и в гражданских, административных и хозяйственных спорах. В ряде международных документов это право выписано отдельно и конкретизировано в определенных нормах. Так, кроме известной нам статьи 14 МПГПП, право на компенсацию морального вреда указано в статье 14 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания¹⁸, в статьях 5 (5) и 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁹.

При реализации права на компенсацию, как правило, основным вопросом является сумма заявленной компенсации. При этом в современной судебной практике существует ошибочный подход, в рамках которого предпринимается попытка «привязать» причиненный моральный вред к тяжести правонарушения. Иными словами – предпринимается попытка обосновать размер материального эквивалента морального вреда квалификацией правонарушения или составом преступления. Мы называем такой подход «деликтным», или «деликто-центрическим». В соответствии с таким подходом, любому человеку, ставшему

¹⁸ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml

¹⁹ URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-002.htm>

жертвой определенного вида правонарушения, будет «положена» компенсация морального вреда, predetermined составом данного правонарушения. При этом, в обоснование морального вреда приводится сам деликт, его обстоятельства и не уделяется должное внимание тому, какие негативные последствия это правонарушение повлекло для реального человека в его реальной жизни. К сожалению, такой подход является глубоко ошибочным, и с таким подходом нельзя согласиться.

В качестве более эффективного подхода можно использовать личностный (личностно-центрический), с помощью которого можно успешно обосновать причинение морального вреда путем индивидуального психологического обследования жертвы правонарушения. В ходе психологического обследования можно легко выявить индивидуально значимые стресс-факторы, связанные с обстоятельствами правонарушения, а также обосновать психотравмирующее воздействие выявленных стресс-факторов личностными особенностями данной конкретной жертвы правонарушения. Как уже было сказано, такой подход мы называем «личностным», или «личностно-центрированным». Он позволяет взвешенно подойти к каждому случаю правонарушения в отношении конкретного человека и выявить действительно существующие стресс-факторы и их реальное психотравмирующее воздействие на конкретного человека, ставшего жертвой правонарушения.

Немаловажным является и то обстоятельство, что в рамках личностного (личностно-центрического) подхода становится невозможной аггравация якобы полученных моральных страданий со стороны недобросовестных жертв правонарушений, возможная в рамках деликтоцентрического подхода, когда жертвы правонарушения, прикрываясь особенностями деликта, могут заявить о причинении им значительного морального вреда и потребовать компенсации на значительные суммы, при этом реально не претерпевая значительных моральных страданий. Или, что также немаловажно, некоторые жертвы правонарушений получают компенсацию, исходя только из их процессуального статуса потерпевших, но в материалах дела нет никаких доказательств причинения морального вреда этим потерпевшим. Тем самым судебная практика движется по тупиковому направлению некачественного правосудия, вынесения решений о компенсации «на глазок», без достаточного обоснования соответствующими доказательствами.

Таким образом, деликто-центрический подход не способствует качественному отправлению правосудия и дискредитирует эффективный правовой механизм восстановления нарушенного права – компенсацию морального вреда. В то же время личностный (личностно-центрический) подход позволяет выявить личностные особенности каждого человека, ставшего жертвой правонарушения, и обоснованно сделать вывод о причинении/непричинении этому человеку моральных страданий (морального вреда) вследствие тех или иных обстоятельств правонарушения, действительно являющихся для этого человека психотравмирующими.

В качестве примера ошибочности деликто-центрического подхода и преимуществ личностного (личностно-центрического) подхода можно сослаться на нашу многолетнюю экспертную практику по оценке морального вреда.

Так, гражданин Б. был похищен неизвестными лицами и удерживался похитителями с целью получения выкупа. Во время нахождения у похитителей по отношению к гражданину Б. применялись угрозы убить, физическое и психическое насилие с целью вынудить его к немедленной выплате выкупа через его родственников. В момент получения выкупа злоумышленники были задержаны, а похищенный гражданин Б. был освобожден.

Впоследствии, в ходе уголовного расследования гражданин Б. заявил требования о компенсации морального вреда. Но в качестве обоснования причинения морального вреда гражданин Б. указал отнюдь не само похищение и жестокое обращение с ним со стороны похитителей, как следовало бы согласно деликто-центрическому подходу, а совсем иные – личностные обстоятельства. В частности, в ходе психологического обследования гражданин Б. пояснил, что он в прошлом имеет опыт воинской службы в специальных

подразделениях и, соответственно, имеет специальную физическую подготовку, опыт действий и навыки поведения в экстремальных ситуациях. Поэтому само похищение, угрозы со стороны похитителей и их физическое насилие не произвели на задержанного должного психотравмирующего воздействия, на что рассчитывали похитители. По утверждению обследованного Б., он все время сохранял душевное равновесие и самообладание и даже профессионально отмечал, что похитители явно не являются опытными преступниками, имеют плохую физическую подготовку, неорганизованны и, скорее всего, совершают это преступление впервые.

Что же тогда причинило моральный вред гражданину Б. в данном деле? Ответ находим в материалах упомянутого индивидуального психологического обследования, в ходе которого обследованный Б. пояснил, что вследствие похищения пострадала его профессиональная карьера. Он занимал высокое положение в одном из силовых ведомств, и в отношении него готовились документы на очередное повышение по службе. Но в связи с похищением его документы были сняты с представления на повышение, и в отношении него была назначена специальная процедура внутреннего служебного расследования. Выводы этого расследования были нейтральными в отношении гражданина Б., но в итоге дальнейший карьерный рост все равно оказался невозможным в силу особенностей данного ведомства.

Именно это негативное последствие, связанное с похищением, и причинило для гражданина Б. наибольшие моральные страдания, поскольку он всю жизнь стремился к своей нынешней деятельности и связывал с этой деятельностью свою профессиональную карьеру и личную жизнь.

Таким образом, в данном случае мы видим пример того, что полагаться на деликтоцентрический подход для обоснования морального вреда является безосновательным и ошибочным, поскольку мы никогда не сможем утверждать достаточно обоснованно, каким именно обстоятельством деликта был причинен моральный вред каждой конкретной жертве правонарушения. Как мы увидели на предыдущем примере, только личностный (личностноцентрический) подход предоставляет принципиальную возможность выявить реальные (а не предполагаемые, приписываемые, «деликтные») психотравмирующие обстоятельства для конкретной жертвы правонарушения и обосновать психотравмирующее воздействие данных обстоятельств личностными особенностями жертвы правонарушения, объективно выявленными в ходе психологического обследования.

Еще более показательным является пример, когда одно и то же нарушение прав происходит в отношении нескольких человек.

Так, гражданин В. и гражданин О. были осуждены за организованное убийство и грабёж к длительным срокам лишения свободы. Спустя более шести лет нахождения в тюрьме осужденные О. и В. были оправданы и освобождены, поскольку было установлено их абсолютное алиби. Так, гражданин О. в момент совершения преступления проходил службу в рядах Советской Армии и постоянно находился отдаленном гарнизоне за несколько тысяч километров от места преступления. В отношении гражданина В. тоже были неоспоримые доказательства его непричастности к совершенному преступлению. Это было установлено следствием, но впоследствии эти документы из материалов следствия непонятным образом «исчезли».

В данном деле это обстоятельство возымело свое значение, поскольку в ходе психологического обследования и гражданин В., и гражданин О. обосновывали свои моральные страдания, в том числе, и тем, что они знали о своей невинности и знали, что доказательства их невинности были предоставлены следствию, но следователи сознательно уничтожили эти доказательства невинности, вследствие чего граждане В. и О. были осуждены за преступление, которого не совершали не вследствие абстрактной судебной ошибки, а вследствие противоправных действий конкретных сотрудников следствия и прокуратуры.

В ходе обследования для оценки морального вреда было выявлено, что у каждого обследованного были свои индивидуальные переживания, свои индивидуальные стресс-факторы и свои индивидуальные негативные последствия незаконного осуждения. То есть, при одном и том же деликте – абсолютно одинаковом незаконном осуждении и одинаковом сроке отбытого наказания – у каждого из осужденных были свои индивидуальные особенности реагирования, и у каждого свои личностные особенности и индивидуальные психотравмирующие обстоятельства, которые предопределили то, что каждый из них воспринимал одно и то же правонарушение по-своему, в силу своих индивидуальных особенностей, и, соответственно, у каждого из них в одной и той же психотравмирующей ситуации были свои моральные страдания (моральный вред).

В качестве иллюстрации к данному утверждению можно привести еще один пример незаконного осуждения. В этом случае также два человека были незаконно обвинены в организации и исполнении покушения на убийство. Впоследствии оба были оправданы в связи с отсутствием события преступления. Вскоре после оправдания и освобождения оба оправданных обратились с исками о компенсации морального вреда и прошли психологическое обследование для выявления моральных страданий и оценки морального вреда.

Как значимое обстоятельство здесь необходимо указать, что с момента освобождения до момента обследования прошло совсем немного времени, так что можно утверждать, что оба обследованных не были компенсированы в своих моральных страданиях за счет пребывания на свободе, в кругу семьи, в обществе родных и близких и т.д. и все еще пребывали в актуальном состоянии психотравмы.

Здесь уместно привести материалы обследования двух разных обследованных по одному делу, чтобы убедиться, что в одной и той же ситуации разные люди испытывают абсолютно разные негативные эмоции в связи со своими индивидуальными особенностями (особенности характера, темперамента, привычек, личных ценностей, убеждений проч.) и в связи со своими личными обстоятельствами (в семейной жизни, в общественном положении, обладание имуществом проч.).

Так, обследованный К. в качестве основных стресс-факторов назвал следующее (даты и местоположение изменены):

- 1. Положение жены – беременность, скоро роды, нужен уход, спокойствие, а тут слезка, грабеж, прослушка, охота за мной, все было ей во вред.*
- 2. Отец больной, нуждался в моем уходе, второй брат не мог помочь, сам лежал в больнице в другом государстве.*
- 3. Когда был в тюрьме, 7 мая 2009 года отец умер. Так получилось, что я ему звонил в 12:00, а в 12:15 он умер. Я впал в ступор, просто 4 дня ни с кем не говорил. Я просился на похороны, но никто ничего.*
- 4. Когда задерживали – бежал, а в меня стреляли. Никаких мыслей не было – просто адреналин и страх.*
- 5. Распускали среди знакомых слухи, что я наркоделец, убил много людей, 10 человек, украл 10 миллионов долларов, но это тоже все мелочи по сравнению с тем, что меня лишили моей нормальной жизни. Я тогда как бы уже умер. Все мое существование стало бессмысленным.*
- 6. Во время отсидки меня постоянно переводили из камеры в камеру. Подъем в 7 утра, садят в холодный или душный воронок, везут в суд – это всегда стресс. Потом в ночь, обессиленного, меня переводили в другую камеру. И так было всегда – перед выездом в суд всегда ночь была бессонной, переселяли, чтобы я обессилен. Однажды я отказался выходить из камеры, уже было больше 22 часов, мне положено спать. Тогда в следующий раз мне запретили заходить в камеру, выволокли все мои вещи и заставили идти в другую камеру.*
- 7. Однажды пришел врач, я жаловался на плохое самочувствие, но вместо помощи этот врач взял у меня образец биоматериалов – сказал, откройте рот, я открыл, а он мазнул тампоном и забрал его. Потом вдруг оказалось, что мои*

биологические следы обнаружили на мотоциклетном шлеме (по версии обвинения, не месте преступления остался мотоциклетный шлем, который был на преступнике в момент покушения – примечание автора) – это была явная, ничем не прикрытая фальсификация.

8. Четыре месяца я провел не в тюрьме, а в ИВС, где хуже условия. Обычно в ИВС держат 10 суток, потом отправляют на СИЗО, там лучше условия, есть присмотр. Но мне говорили, что меня хотят убить, поэтому меня держат в ИВС.

9. Адвокат П. (адвокат жертвы покушения – примечание автора) написал статью в газете «Х», указал мои инициалы и все регалии, и указал, что меня как организатора покушения должны убить. Зачем моей семье про это знать?

10. Вообще газета «Х» писала про меня явную неправду. Я им писал и звонил – спросите меня, дайте я сам вам скажу. Но они «морозились». Дошло до того, что на их откровенную ложь я на второй день после освобождения пошел в газету, чтобы дать опровержение, но они сказали, что им ничего не будет, с них никто ничего не взыщет, не заставят. Их публикации показывали, что я якобы виноват, это оказывало давление на суд. Я опасался, что суд займет предвзятую позицию, это постоянный стресс.

11. Наибольшее потрясение, что ребенок родился с необходимостью проведения операции на сердце, и я уверен, что это следствие того, что со мной происходило. Есть чувство вины, ладно я – занимался политикой. А ребенок и жена из-за этого пострадали.

12. Милиция продала мою квартиру – однокомнатную в Киеве. Они изъяли из дела документы и все состряпали. Они настолько были уверены, что они уже «боги», что я уже не вернусь, что меня нет в живых. Квартира была оформлена на тестя. Я потерял свою квартиру в Киеве, в красивом месте, на набережной Днепра.

13. Есть чувство наказать милиционеров, квартиру я куплю, денег еще заработаю. Но пусть те сотрудники милиции, которые организовывали это все, они пусть испытают те же эмоции.

14. Никакие материальные возмещения меня не удовлетворяют. Деньги я заработаю. Но следователи извинялись и мне говорили, что извините, но докажите это в суде. А все документы «ваяли» милиционеры, они, нагло мне в глаза глядя, делали свое черное дело.

15. Особый стресс – жизнь по тюремным стандартам. Начинаешь их принимать – ждешь, когда должна быть баня, передача. Все ценности специфичные – наличие какой-то вещи делает человека выше или ниже. Начинаешь воспринимать эту искривленную систему ценностей. Все в тюрьме более-менее знают, за что они здесь и воспринимают просто как неудобство. А я не мог это воспринимать, потому что я этого не делал. Но все равно в тюрьме было спокойнее. А на воле те четыре месяца я был в бегах и еще старался бороться. Все на словах соглашались помочь, но потом отказывались. А что это судьба человека – это никого не интересовало.

16. Каждое утро с просыпанием – ужас, что все это есть в действительности, тюрьма. Уснуть было счастье – не видеть, не знать. А после просыпания – уныние и ступор.

17. Я буду хотеть, я все время буду хотеть наказания для тех, кто делал незаконные относительно меня. Тут мораль!

18. Отдельный стресс – я знаю тех сотрудников милиции, кто делал все, чтобы меня незаконно осудить, вижу их лица. Одно дело – не знаешь, кто, что и как. Но здесь с самого начала со мной в лицо говорили и не прятались, знали, что я не виноват, но я знаю этих людей, и я знаю, что они не ответят за свое незаконие, останутся безнаказанными и довольными жизнью, а я всю жизнь буду носить в себе эти психотравмы».

Обследованный Ж., незаконно обвиненный в том же правонарушении, в качестве обстоятельств психотравмы указывал на свои личные, индивидуальные переживания в той

же ситуации, в которой находился обследованный К. (имена, даты и местоположение изменены):

- *«Я ощутил с первого момента задержания, и постепенно шло давление со стороны милиционеров, что я буду содержаться под стражей до конца своих дней. Никогда не увижу жену и ребенка, жена уйдет к другому, что жене предоставят кино-фото съемку всех сексуальных оргий с моим участием (якобы), а из меня сделают инвалида, в семье есть ребенок инвалид первой группы. И поэтому я должен дать нужную информацию. Это было в первый день задержания, 28 октября 2007 года в городе М. Это было на улице, возле моего дома около 11 часов дня. Я шел по улице, они стояли, с машиной, их было трое. Я попытался позвонить жене, они забрали телефон: «Миша – тихо! Тихо!». По дороге в село Головач, где живет мой шеф, стали задавать вопросы, угрожать, что в СИЗО со мной сделают что захотят, что начальник СИЗО – это родственник одного из сотрудников милиции, который меня задерживал. Но я больше боялся, что в семье начнутся проблемы без меня – весь дом на мне, жена при ребенке, без меня не справится.*

Страх пришел, когда приехали в село Ж, меня привязали к дереву за руки, наручниками, «Беркут», и сказали, что я здесь буду стоять до тех пор, пока все скажу. И в этом же лесу они ждали, пока выйдет из дома мой руководитель. Его тоже задержали, «Беркут». А меня отправили в город У, в райотдел.

Состояние – переживал, внутренний стресс, беспокойство, холодные руки. В своей жизни я человек планирования, на месяц. А тут – неизвестность, шок, воздействие их слов, что будет со мной дальше – я проведу всю свою жизнь в тюрьме, я выйду инвалидом, что по такой тяжелой статье я потеряю здоровье, что меня уже на этом свете нет – ни в доме, ни в семье. По приезде в город У – снова те же вопросы, те же угрозы.

Под деревом стоял весь день, до 18 часов вечера. Из села Ж выехали под сумерки, около 21 часа. К 4-5 часов утра приехали в город У. Сразу же заместитель начальника стал «работать» со мной. Я все время просил позвонить жене, он отказал, задавал вопросы – чем занимается мой шеф, куда ездит, с кем встречается? Сказал, в чем мы подозреваемся, и что с нами будет: «Шефа убьют, его тело найдут в реке, а ты подумай, что будет с тобой, и зачем это тебе надо?».

10 июля 2009 года меня отправили в ИВС, и тут на меня нашло какое-то помрачение, в этих четырех стенах. Это выражалось в страхе, осознании своего полного бессилия, невозможности помочь и что-то объяснить своим родным. Я уже думал, что это такой рок, что я уже никого действительно не увижу. Неконтролируемое движение мысли – я был готов на все, я был похож на какое-то животное, загнанное в угол. Со мной никогда раньше такого не было – тут был какой-то всеохватывающий страх от совокупности мелких страхов, я не контролировал себя, я метался в мыслях, ничего нормального не приходило в голову. Я готов был дать любые показания – любые, лишь бы отсюда выйти! Физически меня никто не трогал, потому что оперативники были «мастера» своего «дела», давили психически. Я их слова воспринимал как реальные, зная нашу судебную систему и видя, как в открытую, незаконно со мной поступают. В ИВС каждый день вызывали на допрос, каждый день давили.

Потом отвезли в СИЗО и сказали, что я им не нужен, а нужен мой шеф, и что меня отпустят. Я немного успокоился, когда это узнал. Но потом на допросе сказали, что меня не отпустят и отвезли обратно в СИЗО. Там соседи по камере казали, что это минимум на полгода. Я не мог осознать себя, два дня не вставал с постели, ни с кем не общался, со мной не общался также никто, серьезные обвинения в покушении на убийство, никто не хотел со мной

говорить, я был в изоляции. Когда вышел на третий день на прогулку, посмотрел вверх, увидел клетку, одну и другую, и подумал, что вот, на этом может все и закончиться. Мысли были разные, какие-то увечья я себе делать не собирался, но ничего не хотелось.

Там я пересмотрел все свои взгляды, думал, что это, может быть, за мои какие-то грехи, что я за что-то кем-то наказан, пересмотрел свои поступки за всю жизнь.

Мне говорили в первые дни в СИЗО, что меня как бывшего милиционера посадят к уголовникам, меня будут «опускать», делать, что хотеть, что я буду как растение жить, никому не нужным, в камере пожизненника (после суда), а в камере меня сделают подопытным наркоманом. Я в этом не сомневался, я практически был уверен, что оттуда не выйду, буду сидеть, независимо ни от чего. В СИЗО сказали, что если сидишь в СИЗО, то это значит, что какую-то статью пришьют. И я знал – что эти «хозяева» скажут, так оно и будет, и так оно и было. Мой шеф во время очных ставок все время говорил, что все будет нормально. Но по тону вопросов, по тому, как следователь переформулировал ответы, было видно, что ничего хорошего не будет.

Потом судебно-психиатрическая экспертиза – был ли вменяемым, и сама экспертиза... Я понимал, что меня осудят, думал, как жена станет жить, был готов, чтобы она строила свою личную жизнь иначе. Мне было уже незачем жить и не для кого жить.

Самое большое негативное – когда снова вернули в СИЗО. Эти первые десять дней каждый день была какая-то надежда на лучшее, что все изменится. Но когда снова вернули в СИЗО – снова надежда погасла. Плюс открылись язвы, острые боли, врача нет, жена передавала таблетки, но мысль была, что – все, стационарного лечения нет, врачей нет, уже немолодой, не 20 лет, уже не переживешь, невозполнимые потери для организма. Эти мысли роились в голове постоянно, не мог спать, от них не было спасения. Старался уйти в сон, но когда просыпался и видел над собой бетонный потолок, понимал, что все плохо, жизнь закончилась, действительно, как растение. Там был загнанный, ужасное состояние. Просыпался – над тобой плита бетонная, кровать приварена к полу. Насколько это было стыдно, унижительно – обращение конвоиров, как к собакам, людей за людей не считают. Реально сам начинаешь становиться злым, неуравновешенным. До этого я характеризую себя как спокойного, не вспыльчивого. Но сейчас я стал раздражительным, готовым к каким-то неадекватным действиям, грубо ответить. Всех своих друзей я на 70% отбросил своей агрессией, я за незначительные поступки разрывал отношения с другими людьми. Я потерял свою былую уравновешенность. И в быту, и в семье тоже. Жена это понимает и старается не противиться, хотя раньше за мной такого не было, я говорил – «все хорошо!», закрывал глаза на ситуации, но сейчас этого нет.

Когда проходил психиатрическую экспертизу боялся входить в эту комнату, боялся, что начнут колоть что-то. Их вопросы – зачем вы хотели убить эту женщину? Я начинаю срываться, хотел им доказать, объяснить. Они опять за свое – почему вы кричите? Отвели в какую-то отдельную комнату, потом стали задавать какие-то вопросы про зверей.

И на суде, видя как все идет, я не сомневался в негативном исходе, как все шло к осуждению. Как судья вел себя при допросе свидетелей, делал уклон на обвинительное содержание, например, «присмотритесь получше, это же он, вы что, не узнаете? Вы точно – не узнаете? А вы присмотритесь!».

Первый состав суда дошел до дебатов. А второй состав – только слушали. Но я думал, что уже, видимо, есть вердикт, и уже никто ничего не слушает и не спрашивает.

Жена очень сильно морально пострадала. Она из хорошей семьи, родители порядочные люди. Она им первые два месяца не говорила. Сейчас плохо спит, вся на нервах, похудела, потеряла в весе, сейчас тоже в негативе, а я тогда еще сильнее себя корил, я ведь в тюрьме от одной только мысли, что я тут, а жена без меня, может, думает, что я занимался какими-то плохими делами, может, у нее есть какие-то сомнения. И то, что она теряет в меня веру, мне было очень плохо.

Я до сих пор не верю, что это решение окончательное, я постоянно говорю своему шефу, чтобы он больше занимался этим делом, закрывал его надежнее, чтобы потом никто никак не мог снова все начать заново. Этим я дожимаю и его, и себя, но для меня все еще эта ситуация не закрыта. Я не знаю, как дальше с этим жить. Я на 60% сомневаюсь, что все закончилось, я живу с этим страхом. При малейшем напряжении дергается правое веко, было воспаление тройничного нерва – после напряжения, бывает, начинает сразу дергаться.

Я хочу взыскать сумму морального вреда именно с милиционеров, которые были со мной «в контакте». Если бы начальник райотдела принес мне какую-то сумму, извинился и попросился никуда не обращаться, я бы так и поступил. К Н. (жертве мнимого преступления – примечание автора) я не имею зла, я к нему претензий не имею. Но вред моральный мне причинили сотрудники милиции, которые запугивали, допрашивали, старались мне сделать хуже. Они в этом преуспели. И суд».

Как видно из материалов психологического обследования, даже при идентичных квалификациях правонарушения (деликтах) у каждого человека возникают свои, индивидуальные негативные переживания, predetermined личностными особенностями этих людей и индивидуальными обстоятельствами, связанными с их личной и семейной ситуацией, а также профессиональной, общественной и т.п. жизнью и активностью. Тем самым, при одном и том же деликте, при одних и тех же незаконных действиях, одних и тех же правонарушениях у разных людей будут разные стресс-факторы, разные психотравмы и, соответственно, разные материальные эквиваленты причиненных моральных страданий.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что моральные страдания (моральный вред), причиненный жертвам правонарушения, зависит от личностных особенностей каждого человека и не может быть обоснован только квалифицирующими признаками правонарушения, например, пытками и жестоким обращением, незаконным задержанием и арестом, судебной ошибкой и т.п. Моральные страдания не имеют специфической predeterminedности от вида правонарушения, моральные страдания всегда predeterminedены только личностными особенностями жертвы какого-либо правонарушения. В таком случае становится понятным, что для эффективного обоснования требований компенсации морального вреда предметом доказывания являются личностные особенности жертвы правонарушения и негативные реакции на обстоятельства правонарушения, а не обстоятельства или состав правонарушения.

Соответственно, личностный подход является единственным адекватным методом для выявления личностных особенностей жертв правонарушения, имеющих правовое значение как аргументы для обоснования причиненных моральных страданий и обоснования размеров компенсации причиненного морального вреда.

В этой связи становится актуальным вопрос о том, какие специалисты могут проводить подобные индивидуальные обследования. По нашему глубокому убеждению, основанном на многолетнем опыте обследований жертв правонарушений и изучении материалов сотен

дел, включая заключения судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз, таким специалистом является исключительно специалист-психолог. Поскольку сферой компетенции врачей-психиатров является только выявление психопатологии и диагностика конкретного психического заболевания. Но если подэкспертное лицо является психически здоровым, то в этой ситуации в компетенцию врача-психиатра входит только подтвердить факт отсутствия психического заболевания у обследованного лица, не более.

В то же время объектом исследования специалиста-психолога являются психически здоровые лица, пережившие некую психотравмирующую ситуацию, во всем их бесконечном индивидуальном разнообразии и своеобразии. Соответственно, надлежащим специалистом для выявления личностных особенностей психически здорового человека, является только специалист-психолог, который в состоянии провести психологическое обследование и выявить имеющиеся у обследуемого человека индивидуальные особенности и закономерности психологических реакций на те или иные лично значимые обстоятельства правонарушения.

Процессуальные особенности назначения судебно-психологической экспертизы жертв судебной ошибки

Немаловажным является аспект назначения и проведения психологического обследования жертв правонарушений в случае, когда правонарушение совершено со стороны государственных органов или конкретных должностных лиц этих государственных органов. Как можно убедиться по вышеуказанным материалам обследования конкретных жертв правонарушений, они пострадали от незаконных действий сотрудников правоохранительных органов и не доверяют выводам экспертам государственных экспертных учреждений.

Что касается проведения судебно-психологической экспертизы по оценке морального вреда в случае, когда имеет место незаконное задержание, незаконный арест, незаконное содержание под стражей, незаконное привлечение к уголовной ответственности, незаконное осуждение, то в этих случаях ответчиком являются представители государства и проведение судебной экспертизы в государственных же экспертных учреждениях не может восприниматься жертвами правонарушения как действительно объективное и независимое исследование.

Соответственно, жертвы правонарушений со стороны сотрудников правоохранительных органов нуждаются в обращении к действительно независимым специалистам, не являющимся сотрудниками государственных экспертных учреждений и действительно не связанными в своих выводах никакими рамками «чести мундира» или превратно понимаемой «корпоративной сплоченности», а в реальной действительности – порочной практикой покровительства и круговой поруки.

Однако действующее законодательство в сфере экспертного обеспечения правосудия, в частности, Закон «О судебной экспертизе» Республики Казахстан²⁰ не предполагает правовой возможности привлечения в качестве экспертов действительно независимых специалистов, прямо указывая, что при проведении судебных экспертиз приоритет отдается сотрудникам государственных специализированных учреждений, или лицам, имеющим специальное разрешение (лицензию) и включенным Министерством юстиции в специальный реестр, или судебным экспертам других государств, но никак не иным специалистам в соответствующих областях знаний – специалистам-психологам своей страны:

- **Глава 2. Субъекты судебно-экспертной деятельности**

- **Статья 12. Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к судебному эксперту**

1. Судебный эксперт должен иметь высшее образование и специальные научные знания в деленного вида судебной экспертизы.

²⁰ URL: <http://www.sudexpert.kz/ru/legislation/laws/25--q-q.html>

2. Производство судебной экспертизы может быть поручено:

- 1) сотрудникам органов судебной экспертизы;
- 2) лицам, осуществляющим судебно-экспертную деятельность на основании лицензии;
- 3) в разовом порядке иным лицам в случаях, предусмотренных пунктом 3 настоящей статьи.

3. Производство экспертизы в разовом порядке может быть поручено в случаях:

- 1) назначения судебной экспертизы, не предусмотренной перечнем видов судебных экспертиз, установленным законодательством Республики Казахстан;
- 2) привлечения в качестве эксперта специалиста иностранного государства в соответствии со статьей 49 настоящего Закона;
- 3) удовлетворения отводов всем судебным экспертам соответствующей специальности, являющимся сотрудниками органов судебной экспертизы, а также осуществляющим судебно-экспертную деятельность на основании лицензии, либо мотивированного отстранения от производства судебной экспертизы органа судебной экспертизы в целом.

По смыслу части 3 (3) указанной статьи, для того, чтобы получить право в разовом порядке назначить экспертом независимого специалиста, необходимо предварительно добиться обоснованного отвода всех существующих судебных экспертов государственных органов судебной экспертизы и экспертов, осуществляющих свою деятельность на основании лицензии. Практически это представляется крайне маловероятным.

В то же время законодательство о судебно-экспертной деятельности других государств СНГ предусматривает возможность разового назначения экспертом любого специалиста в соответствующей сфере знаний без условия обязательного отвода существующим экспертам государственных экспертных учреждений или частнопрактикующим экспертам. В частности, часть 4 статьи 7 Закона Украины «О судебной экспертизе»²¹ предполагает возможность разового назначения судебным экспертом любого специалиста в соответствующей сфере деятельности. По ходатайству стороны орган, уполномоченный его рассмотреть, может вынести решение о назначении экспертизы и поручении ее проведения указанному стороной специалисту в соответствующей сфере знаний, предварительно предупредив специалиста, назначаемого экспертом, о соответствующей уголовной ответственности.:

• Статья 7. Субъекты судебно-экспертной деятельности

Судебно-экспертную деятельность осуществляют государственные специализированные учреждения, а также в случаях и на условиях, определенных настоящим Законом, судебные эксперты, не являются работниками указанных учреждений.

К государственным специализированным учреждениям относятся:

- научно-исследовательские учреждения судебных экспертиз Министерства юстиции Украины;
- научно-исследовательские учреждения судебных экспертиз, судебно-медицинские и судебно-психиатрические учреждения Министерства здравоохранения Украины;
- экспертные службы Министерства внутренних дел Украины, Министерства обороны Украины, Службы безопасности Украины и Государственной пограничной службы Украины.

Исключительно государственными специализированными учреждениями осуществляется судебно-экспертная деятельность, связанная с проведением криминалистических, судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз.

Для проведения некоторых видов экспертиз, которые не осуществляются исключительно государственными специализированными учреждениями, по решению лица или органа, которые назначили судебную экспертизу, **могут привлекаться кроме судебных экспертов также другие специалисты из соответствующих областей знаний.**

²¹ URL: <http://www.juriskonsult.com.ua/analitica-i-praktika/176-zakon-o-sudebnoy-ekspertize>

Как показывает наш опыт и судебная практика, привлечение в качестве судебных экспертов для оценки морального вреда независимых специалистов-психологов, позитивно сказывается на полноте досудебного следствия, сокращении общих сроков судебного следствия, эффективному восстановлению прав жертв правонарушений и улучшении качества правосудия в целом.

Исходя из вышесказанного, в целях обеспечения практической реализации права жертв правонарушений, в том числе жертв судебной ошибки, на компенсацию, можно сформулировать следующие рекомендации для внесения в проект УПК Республики Казахстан, суть которых заключается в упрощении доступа жертвам правонарушений и их законным представителям к экспертному обеспечению своей правовой позиции, а также в расширении круга субъектов судебно-экспертной деятельности за счет:

- предоставления права проведения судебных экспертиз высококвалифицированным независимым специалистам на основании разовых назначений;
- предоставления права высококвалифицированным специалистам в своих отраслях знаний проводить исследования и формулировать соответствующие заключения специалиста по вопросам, входящим в сферу их компетенции и имеющим правовое значение, на основании личного обращения жертвы правонарушения или запроса адвоката;
- предоставления права адвокатам непосредственно назначать проведение судебных экспертиз на основании запроса адвоката в соответствующий орган судебной экспертизы или эксперту, действующему на основании лицензии.

Рекомендации к проекту УПК Республики Казахстан

Статья 7. Разъяснение некоторых понятий, содержащихся в настоящем Кодексе

Содержащиеся в настоящем Кодексе понятия имеют, если нет особых указаний в законе, следующее значение:

6) «специальные научные знания» - область специальных знаний, содержание которой составляют научные знания, в том числе реализованные в методиках судебно-экспертных исследований;

10) «научно-технические средства» - приборы, специальные приспособления, материалы, исследовательские и диагностические методы и методики, правомерно применяемые для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательства;

21) «иные лица, участвующие в уголовном судопроизводстве» - секретарь судебного заседания, переводчик, свидетель, понятой, эксперт, специалист, судебный пристав;

Статья 14. Неприкосновенность личности

8. Вред, в том числе моральный (неимущественный), причиненный гражданину в результате незаконного лишения свободы, содержания в условиях, опасных для жизни и здоровья, жестокого обращения с ним, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом.

Статья 15. Охрана прав и свобод граждан при производстве по уголовным делам

2. Вред, в том числе моральный (неимущественный), причиненный гражданину в результате нарушения его прав и свобод при производстве по уголовному делу, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, предусмотренным настоящим Кодексом.

Статья 24. Объективное исследование обстоятельств дела

2. Органы уголовного преследования выявляют фактические данные, на основе которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для дела, в том числе весь вред, причиненный жертве правонарушения.

Статья 33. Общие условия осуществления уголовного преследования

1. В целях выполнения задач уголовного судопроизводства орган уголовного преследования обязан в пределах своей компетенции в каждом случае обнаружения признаков преступления принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, изобличению лиц, виновных в совершении преступления, их наказанию.
2. Орган уголовного преследования обязан обеспечить потерпевшему доступ к правосудию и принять меры к возмещению вреда, в том числе морального (неимущественного), причиненного преступлением.

Статья 35. Возмещение вреда

Лицо вправе в порядке гражданского судопроизводства требовать возмещения имущественного и морального (неимущественного) вреда, причиненного незаконным процессуальным действием и/или незаконным решением, а также восстановления в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Статья 39. Сохранение конфиденциальности

7. Вред, в том числе моральный (неимущественный), причиненный лицу в результате нарушения неприкосновенности частной жизни, разглашения личной или семейной тайны, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном законом.

Статья 61. Потерпевший

1. Потерпевшим в уголовном процессе признается лицо, в отношении которого есть основание полагать, что ему непосредственно преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред.
4. Потерпевшему обеспечивается возмещение имущественного и морального (неимущественного) вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в уголовном процессе, включая расходы на представителя, по правилам, установленным настоящим Кодексом.

Статья 63. Гражданский истец

1. Гражданским истцом признается физическое лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что непосредственно преступлением ему причинен физический вред, имущественный или моральный (неимущественный) вред, или юридическое лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что непосредственно преступлением ему причинен имущественный ущерб, предъявившее требования о его возмещении. Гражданский истец может предъявить иск и для имущественной компенсации морального вреда. Прокурор в предусмотренных законом случаях вправе признать по собственной инициативе гражданским истцом физическое или юридическое лицо.

Статья 70. Специалист

2. При необходимости проведения исследования и получения заключения в досудебном производстве может быть привлечен сотрудник уполномоченного подразделения органов внутренних дел Республики Казахстан в качестве специалиста, или иной высококвалифицированный специалист в соответствующей сфере знаний.

Статья 102. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу

1. По уголовному делу подлежат доказыванию:
 - 7) характер и размер вреда, в том числе морального (неимущественного), причиненного преступлением;

Статья 201. Порядок назначения экспертизы

3. Судебная экспертиза производится государственными судебными экспертами и иными экспертами из числа лиц, обладающих специальными знаниями, а также на основании разовых назначений – высококвалифицированными специалистами в соответствующих сферах знаний.

Статья 202. Лица, которым может быть поручено производство судебной экспертизы

1. Производство судебной экспертизы может быть поручено:

- 1) сотрудникам органов судебной экспертизы;
- 2) лицам, осуществляющим судебно-экспертную деятельность на основании лицензии;
- 3) в разовом порядке на основании постановления лица осуществляющего досудебное расследование и суда иным лицам в соответствии с требованиями закона. – необходимо внести дополнения к Закону РК «О судебной экспертизе», изложив часть 3 (3) в следующей редакции: 3) «по решению лица или органа, назначившего экспертизу, кроме судебных экспертов иным высококвалифицированным специалистам в соответствующих сферах знаний».

Статья 207. Присутствие участников процесса при производстве судебной экспертизы

7. Производство судебной психиатрической, судебной психолого-психиатрической и судебной психологической экспертизы осуществляется в условиях конфиденциальности.

Статья 209. Объекты экспертизы

1. Объектами экспертизы могут являться вещественные доказательства, документы, тело, индивидуальные психологические особенности и состояние психики человека, трупы, животные, образцы, а также относящиеся к предмету экспертизы сведения, содержащиеся в материалах уголовного дела.

Статья 212. Содержание заключения эксперта

1. После производства необходимых исследований, с учетом его результатов эксперт (эксперты) от своего имени составляет письменное заключение, удостоверяет его своей подписью, а эксперт (эксперты), осуществляющие свою деятельность на основании лицензии, и личной печатью, направляет в орган, назначивший экспертизу. В случае проведения экспертизы органом судебной экспертизы подпись эксперта (экспертов) заверяется печатью указанного органа.

2. В заключении эксперта должны быть указаны: дата его оформления, сроки и место производства экспертизы; основания производства судебной экспертизы; сведения об органе, назначившем экспертизу; сведения об органе судебной экспертизы и (или) эксперте (экспертах), которым поручено производство экспертизы (фамилия, имя, отчество, образование, экспертная специальность, стаж работы по специальности, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность); сведения о специалисте в случае разового назначения его экспертом (фамилия, имя, отчество, образование, стаж работы по специальности, при наличии – ученая степень и ученое звание, адрес проживания, место работы и занимаемая должность); отметка, удостоверенная подписью эксперта (экспертов) о том, что он предупрежден об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения; вопросы, поставленные перед судебным экспертом (экспертами); сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве экспертизы, и о данных ими пояснениях; объекты исследования; содержание и результаты исследований с указанием использованных методик; оценка результатов проведенных исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным перед экспертом (экспертами) вопросам.

Статья 216. Дополнительная и повторная экспертизы

1. Дополнительная экспертиза назначается для восполнения имеющихся в заключении эксперта (комиссии экспертов) пробелов и производится тем же или другим экспертом (комиссией экспертов). При назначении дополнительной экспертизы перед экспертом могут быть поставлены новые вопросы или уточняться предыдущие.

2. Повторная экспертиза назначается, когда заключение эксперта (комиссии экспертов) необоснованно или его правильность вызывает сомнения либо признаны недостоверными доказательства, положенные в его основу, или были существенно нарушены процессуальные правила производства экспертизы. При повторной экспертизе на разрешение эксперта выносятся те же вопросы, что и в первичной экспертизе, и той же формулировке.

Статья 375. Экспертиза в судебном разбирательстве

1. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе назначить экспертизу.
2. Экспертизу проводит эксперт (эксперты), давший заключение в ходе предварительного расследования, либо другой эксперт (эксперты), назначенный судом. В качестве эксперта также могут быть привлечены на основании разового назначения высококвалифицированные специалисты в соответствующих сферах знаний.

Статья 517. Участие педагога и психолога

1. При производстве процессуальных действий с участием несовершеннолетнего подозреваемого не достигшего шестнадцатилетнего возраста, а также достигшего этого возраста, но имеющего признаки отсталости в психическом развитии, участие педагога или психолога соответствующей специализации обязательно.

Статья 518. Комплексная психолого-психиатрическая и психологическая экспертиза несовершеннолетнего

2. Для выяснения уровня интеллектуального, волевого, психического развития, иных социально-психологических черт личности несовершеннолетнего подозреваемого может быть назначена психологическая экспертиза с привлечением в качестве экспертов высококвалифицированных специалистов в соответствующих сферах знаний.

Статья 555. Вызов и допрос свидетеля, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, эксперта, специалиста.

1. Свидетель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, эксперт, специалист, находящиеся за пределами территории Республики Казахстан, могут быть вызваны с их согласия для производства следственных или судебных действий на территории Республики Казахстан соответствующим должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело.

Заключение

Как уже отмечалось автором во время Четвертого Форума по реформе уголовной юстиции в Центральной Азии, состоявшегося в Алматы в октябре 2012 года, широко раскрыв двери залов судебных заседаний для представителей научных и исследовательских кругов, мы тем самым создадим необходимые предпосылки привлечения в сферу осуществления правосудия поистине независимых и обладающих необходимыми современными познаниями в соответствующих сферах знаний специалистов.

Эта своего рода новая степень открытости привнесет ту необходимую свободу и ответственность в уголовный процесс в части его экспертного обеспечения, без которых справедливое правосудие невозможно почти в той же степени, как оно невозможно без независимых и профессиональных судей.

В то же время обеспечение прав участников уголовного процесса, и возможность восстановления их нарушенных прав, особенно жертв уголовных преступлений и нарушений прав человека, подчеркнут для общества в целом устремленность на пути к реальным реформам.

Декабрь 2012 г.